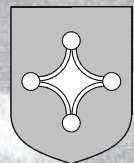

НАДРОВИЯ

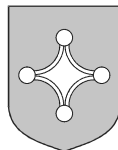

2003.3

НАДРОВИЯ

Историко-краеведческий журнал

2003 • 3

На первой странице обложки: парад русских войск в Инстербурге 5 сентября 1914 г.
На второй странице обложки: неизвестный герой первой Мировой войны.
На четвертой странице обложки: панорама Инстербурга начала XIX века.

Выпуск третьего номера историко-краеведческого журнала “Надровия” приурочен к 420-летию со дня получения Инстербургом городских прав. В рамках празднования Дня города в Черняховске открыта мемориальная доска в честь парада русских войск, который состоялся в нашем городе 5 сентября 1914 года. Событиям той поры и посвящена “Надровия” № 3 - событиям, происшедшим в Восточной Пруссии, когда 1-я русская армия под командованием генерала от кавалерии фон Ранненкампа во второй половине августа 1914 года вела бои с германскими войсками, отвлекая тем самым силы противника в пользу терпящей поражение союзницы - Франции. Русские войска, совершая тогда победный марш по Восточной Пруссии, заняли Инстербург.

В журнале собраны документы - свидетельства очевидцев этих эпизодов Первой мировой войны. Весьма любопытны воспоминания Германна Торнера, владельца инстербургского отеля “Дессауер Хоф”, в котором размещалась штаб-квартира генерала Ранненкампа, а позже и немецкого военачальника - генерала фон Гинденбурга. Дневник П.А.Аккермана, офицера штаба командующего русской армией, и воспоминания Отто Хагена, члена городской администрации Инстербурга, - ценные источники о жизни города в весьма сложный для него период, дающие полную картину происшедшего.

Немалый интерес представляют приказы и распоряжения русского командования в период оккупации города (данные публикации взяты из журнала “Инстербургер Бриф”). Непосредственно параду войск на Альтер Маркт (ныне площадь Ленина), где состоялся молебен и награждение отличившихся в боях гвардейцев, посвящена статья Г.Кретирина. И, вероятно, внимание многих читателей привлечет материал Г.Ф.Разумного “Николай Гумилев в Восточной Пруссии”. К огромному сожалению, это одна из последних публикаций Геннадия Федоровича Разумного, который ушел из жизни, не увидев нового номера журнала. Редакция глубоко скорбит по поводу безвременной кончины известного в области краеведа, знатока истории региона, и обязуется перед читателем продолжить начатое им дело.

Инстербург

Район и город в провинции Восточная Пруссия, округ Гумбиннен, 73760 жителей (35977 мужчин, 37783 женщин), 1 город, 240 крестьянских общин, 92 поместья.

Город Инстербург, 90 км восточнее Кёнигсберга на реке Анграпп и Инстер, при слиянии – река Прегель. На ж/д Кёнигсберг – Эйдткунен, Торн – Инстербург (301,2 км), Инстербург – Мемель (146,1 км), пригородная ж/д Инстербург – Лик (118,8 км). В городе городская (узкоколейная) ж/д, районное начальство, окружной суд (высший суд в Кёнигсберге) с 6 судами 1-ой инстанции (Даркемен, Гольдап, Гумбиннен, Инстербург, Пилькаллен, Шталупёнен). Военное интенданство, торговая палата, имперский банк, командование 37 кавалерийской бригадой и окружное военное командование. В 1895 году 23544 жителей (11617 мужчин, 11927 женщин), в том числе католиков 438 и евреев 325. В городском гарнизоне 3 батальона пехоты 147 полка, штаб и 2,5 эскадроны Литовского полка уланов № 12, штаб и 1, 2, 4 батальоны полевой артиллерии полка принца Августа фон Прусского. Почтамт 1-го класса с телеграфом, ж/д почтамт с двумя отделениями и телеграфом. Две евангелистские кирхи, один замок, одна королевская гимназия, реальная гимназия, высшая женская школа, среднее профессиональное училище, провинциальная исправительная тюрьма, знаменитый конный завод, сельскохозяйственная станция, стрелковое общество, значительная торговля зерном, льном и сельхозпродуктами.

Инстербургский замок построен в 1336 году немецким Орденом. В 1583 году получил звание города.

(Энциклопедия Брокгаус, 1896 г.)

Отель «Дессауэр Хоф»

Das Jahre 1912
feiertliche
unter Oberleitung
stehende
Eröffnung
des
neuen
Hotelgebäudes.
Die
früheren
Stellen
in
den
alten
Gebäuden
sind
abgegeben.
Die
neuen
Stellen
sind
abgegeben.
Die
neuen
Stellen
sind
abgegeben.

Das
neue
Hotel
gebäude
ist
abgegeben
und
die
neuen
Stellen
sind
abgegeben.
Die
neuen
Stellen
sind
abgegeben.
Die
neuen
Stellen
sind
abgegeben.

Hotel:
Hermann Torner

Hotel:
Hermann Torner

Hotel Dessauer Hof, Insterburg

Telefon für Stadtverkehr Nr. 675 Weingroßhandlung Telefon für Fernverkehr Nr. 74 u. 75

Отель
«Дессауэр Хоф»,
Инстербург,
Людендорф
штрассе, 2.
(Ныне угол ул.
Пионерской и
Железнодорожной)
Построен в 1912 г.
Владелец
Герман Торнер.
70 комнат, 85 мест,
горячая, холодная
вода, лифт, гараж,
первоклассная кухня.
Главная квартира
генерала
Ренненкампа и
Великого князя
Николая Николаевича
в августе-
сентябре 1914 года.

Месяц в штабе

Воспоминания русского офицера

Автор воспоминаний Петр Александрович Аккерман - офицер, перед Первой мировой войной прокурор Виленского окружного суда. В 1914 году добровольцем отправился на фронт, участвовал в боевых действиях в Восточной Пруссии, находясь в штабе генерала Ренненкампфа. Вел дневник, в котором описаны боевые действия русской армии в районе Эйдткунена, Шталупеннена, Гумбиннена, Инстербурга, Тильзита, Гольдапа, а также быт местных жителей, их отношения с русскими военными.

13 августа двинулся наш обоз. Ночи на 14-е и 15-е, уже в Инстербурге, куда мы приехали в автомобилях, пришлось провести по-походному. Первое впечатление от Инстербурга было трагического свойства. Отступая спешно за город, немцы сожгли мосты по дороге Гумбиннен-Инстербург; это обстоятельство задержало командующего в пути, так как только при нем саперы окончили наведение временного моста, по которому первыми и пошли наши автомобили. Кроме того, в самом Инстербурге немцами были испорчены водокачка, весьма сложного устройства, и электрическая станция.

Штаб командующего разместился в обширном здании гостиницы “Дессауэр Хоф”. Съели сквернейший обед и запили его, хоть немецким, но на вкус весьма плохим пивом, после чего я пошел бродить по городу. Очень красиво и благоустроено, масса зелени. Отличные постройки; особенно ласкает глаз масса изящнейших особняков по улице¹, на которой мы живем. Кое-какие магазины открыты; цены не дешевые, но многие купцы, видимо, выехали. Вообще, город кажется будто вымершим, хотя чувствуется, что это только извне. За наглухо спущенными шторами и даже железными решетчатыми жалюзи есть жизнь. Удивительно шотство наших солдат приспособляться. Обойдя несколько улиц, я повернул к гостинице и, не доходя дома два-три, увидел следующую сцену: у ворот одного из особняков стояли две женщины и с ними, оживленно разговаривая, наш солдат; на руках у него хохотал маленький, лет 3-х, типичный немчик, которого солдат то и дело подбрасывал вверх. Я подумал, что верно из немцев, но, подойдя вплотную, убедился в том, что солдат знает по-немецки только слово “gut”, которое и повторяет на все лады. Засыпая вечером, решил с завтрашнего дня записывать все впечатления, по мере возможности, ежедневно.

15 августа. Накануне генерал Ренненкампф, сильно рассерженный отсутствием воды и света, приказал назначенному военной властью губернатором города местному жителю доктору Бирфройнду - фамилия удивительная, принять экстренные меры, чтобы было и то и другое. Вместе с тем последовало распоряжение коменданту, штабс-ротмистру С-ву, наблюдать за тем, чтобы на следующий день, т. е. сегодня, попытаться привести в действие городскую водокачку. Должно быть, приказание было строгое и сопровождалось действительными угрозами, ибо губернатор очень засуетился. Утром сегодня шли разговоры, что в городе нашлись рабочие-специалисты - техники и даже два инженера.

Все это было доложено генералу, после чего комендант в сопровождении губернатора, инженеров, рабочих и двух-трех нижних чинов отправились на водокачку. Я, получив приказание съездить в Вержболово к дежурному генералу, который еще оставался там с частью штаба, пошел в автомобильную роту потребовать себе машину. Прошло около часу, пока я отыскал и дошел до помещения роты, как вдруг слышу звук не то взрыва, не то близкого орудийного выстрела. Возвращаюсь домой и первого, кого вижу, ординарца графа Р-ра, на котором, замечаю, положительно лица нет. Узнаю от него, что на водокачке произошел взрыв, коим убито 7 немцев, наш доброволец, только что приехавший на войну, и тяжело ранены часовая и штабс-ротмистр С-в.

17 августа. Мы остаемся в Инстербурге. И, быть может, не так уж скоро покинем этот крайне неприятный город. Особенно угнетающе действует все то же отсутствие воды и света.

На следующий же или через день после нашего водворения в гостинице, я, выйдя из комнаты утром в коридор, заметил, к крайнему своему удивлению, наличность женской прислуги. Пройдя вниз, я убедился в том, что ее немало. Итак, по остроумной ли инициативе хозяина нашей гостиницы, или, быть может, по указанию кого-либо из специалистов в женском вопросе - появилось некоторое количество девиц, исключительно молоденьких и все весьма милотвидны. Я думаю, не буду далек от истины, если скажу, что как горничные они были очень плохи, и почти убежден, что такого рода службу им пришлось нести впервые. Вернее, их взяли по набору и с выбором из различных мастерских: белешвейных, от портных и т. п. Ведь этого рода работа, вероятно, почти прекратилась в городе. Непосредственно вслед за появлением этого элемента по всему зданию гостиницы пошли разговоры: пикантно-фривольный обмен впечатлений и изложение разных ощущений в устах одних и слово осуждения у других. Нет надобности говорить, я думаю, что штабные остались при денщиках, а услугами горничных, и притом самыми разнообразными, пользовалась исключительно свита генерала, как говорили, не только низшие - молодые, но и люди более высоких чинов и почтенного возраста. На меня этот новый уклад жизни произвел удручающее впечатление.

Следует сказать еще два слова об отношении к населению, директивах на этот предмет начальства и отношении населения к нам. Не помню точно, в Вержболове ли еще, или уже по приезде в Инстербург, генерал Ренненкамфпф объявил в широком распространенных прокламациях, что мы воюем не с мирным населением, а с германскими регулярными войсками, почему население приглашается оставаться на местах, предаваться мирному труду, а при желании может переселяться; что всякие обиды, причиненные нашими войсками жителям, будут строго караться, что за все будет уплачиваться и т. п. Приблизительно таково было содержание объявлений. В результате первоначально покинувшее было жилища население стало возвращаться. Той же гуманностью - не знаю только, насколько она в такой мере полезна для успеха во время войны, - отличался генерал и в отношении городского населения. Понемногу пооткрывались в Инстербурге магазины, поприподнялись ранее глухо спущенные шторы на окнах квартир, на улицах появились прохожие. Давно верно инстербургские купцы не торговали так бойко. Все бралось нарасхват, и цены

были далеко не низкие. Немцы извлекли пользу и для отсутствовавших торговцев. По распоряжению губернатора были открыты магазины без хозяев. Туда посадили продавцов - вероятно, многих из тех, кто служил в них ранее, - и последние торговали под наблюдением городской милиции, взимая цены, установленные, кажется, городом. Видно было, гуляя по городу, что особых лишений или недостатка жители ни в чем не испытывали. Разве только, судя по большим очередям перед входами в сапожные магазины, можно было заключить, что вопрос обуви обстоит не вполне удовлетворительно. Итак, население относительно благоденствовало, а с позиций нет-нет да и привозили слухи о том, что жители широко практикуют шпионаж и всеми мерами оказывают содействие своим. Особенно поражала меня планомерность ряда пожаров. Шли усиленные разговоры, что поджигают со специальной целью указать своим, где и как движутся наши войска...

18-21 августа. Часов в пять дня 18-го мне было передано распоряжение везти пакеты от штаба.

Автомобиль шел, как по паркету, набирая скорость. Очень хороши немецкие дороги, даже не шоссе, а проселочные: широкие, без рытвин и ухабов, обсаженные деревьями. К слову сказать, немцы или вследствие быстроты отхода, либо по недогадке весьма облегчили задачу ориентировки с местностью, почти всюду оставив столбики с дощечками с надписями местностей, городов, местечек и деревень, вплоть до самых мелких. Впрочем, это обстоятельство могло служить на пользу только при одном условии - знания, хотя бы самого элементарного, немецкого языка.

А все-таки с удивительными удобствами хорошо живут немцы. Как у них все камень к камню, прилажено, обстругано, подчищено. Ширина и распланировка улиц, тротуары, которые свободно могли бы быть под стать нашим столи-

цам, постройки; везде цветники, сады, скверы; перед особняками палисадники с изящными клумбами; все это производит, надо отдать справедливость, очень благоприятное впечатление. В саду лазарета около артиллерийских казарм, обращенного ныне в госпиталь Красного Креста, - все деревья с дощечками, на которых названия видов растений; видно, все это со старанием и любовью садили и за всем следили и ухаживали не менее, чем в специальном ботаническом саду. Немцы были вынуждены и быстро, и весьма для себя неожиданно бросить город. Это доказывается наличием оставленных огромных запасов, притом самых разнообразных: провиантские склады, весьма обширные, полные до верха соломой, сеном, овсом. Каменный уголь на вокзале навален целыми стенами. В нашей, например, гостинице, в одном из номеров, в шкафу нашли полный комплект платья офицера-кирасира: пальто, мундиры, рейтузы, фуражки, каски. В казармах разыскали кучи неотосланных писем. В собрании уланского полка успели только, уходя, составить в одну из комнат мебель, сложить картины, посуду. Щит же, например, с массой на нем самого разнообразного оружия, так и остался висеть, украшая одну из стен вестибюля. Свое серебро, в очень большом количестве и весьма, говорили, красивого вида, уланы сдали в местный Восточный банк. Таковое вместе с некоторым количеством золота, как я слышал, извлекли, взорвав с этой целью шкафы и хранилища банка, и отправили в Двинск или Ригу.

Сегодня отправился на почту. По дороге встретил командира нашего авиационного отряда штабс-капитана Т. Он излился в сетованиях на наши непорядки и недочеты. На нашем фронте, по его словам, все сто наличных летчиков отказались летать на аппаратах иных, кроме определенных систем, кажется, Вуазена и Моран-Сальнье; однако ничего не вышло. Прислали, правда, пять аппаратов желательной конструкции, но с указанием, что летчикам вменяется летать на тех машинах, которые им дают. Третьего дня днем из Инстербурга полетел на разведку доброволец, один из известных наших авиаторов А. Должен был вернуться к вечеру, но не прилетел. Все, разумеется, очень встревожились. Наконец, вчера, около часу дня, явился, но без аппарата. По его рассказу, ему пришлось с наступлением темноты опуститься где-то верстах в 25-ти по дороге на Тильзит. В результате он был вынужден ночь провести у аппарата, а утром возвращаться на лошадях: очевидно, не хватило бензина. Но все же по неопытности А. допустил досадную оплошность. Не оставил у аппарата стражи и не взял заложников. Когда приехали затем забрать аэроплан, таковой оказался сильно поврежденным. Аэроплан опустился, как оказалось, около или в самой усадьбе помещика, поляка по национальности, германско-подданного. Было приказано снарядить экспедицию, дабы расследовать дело и применить репрессии в отношении виновных, в том числе и помещика, явно враждебно к нам настроенного. Кстати, должен был быть возбужден вопрос о том, чтобы забрать от него рабочих, жителей русской Польши, которые, будучи батраками в имении, с началом военных действий потеряли возможность вернуться домой и обратились с просьбой помочь им уехать. Не обошлось и без комичного. Так, когда А. опустился, сбежались, разумеется, окрестные жители; и особенно бабы проявили к летчику массу внимания: сготовили ужин, наперерыв предлагали ночлег, а одна из них, по выражению штабс-капитана Т., потом ее увидевшего, "сдобная" немка-солдатка - муж был в германской

армии - делала А. весьма недвусмысленные авансы. Когда А. категорически отверг все предложения, касавшиеся разнообразных удобств, и остался при аппарате, женщины искренне удивились. Закончу запись дня изложением факта, достаточно определенно характеризующего отношение к нам населения. Где-то под Инстербургом двое немцев встретили в безлюдном месте нашего сувалкского поляка, если не ошибаюсь, служащего в военно-наемном транспорте. Они его сильно избили, причем палками перебили ноги. Нашли несчастного солдаты совершенно случайно и привезли сюда - в госпиталь.

Дальнейшие впечатления были: отходящие бесконечные обозы, все время задерживавшие нас в пути, и пыль, пыль без конца.

В Гумбиннене произошла остановка. Говорили, что останемся здесь надолго; может, переночуем даже. Но генералу подали депеши и, прочтя таковые, он приказал двигаться дальше. Мы прибыли в Сталупенен в 3 часа дня. Ночь здесь, в тылу, прошла спокойно, хотя спали, приняв все меры предосторожности на случай появления неприятельских разъездов, которые, как говорили, уже пробрались довольно близко.

Согласно срочному распоряжению с темнотой мы выступили из Вержболово. Тут уже совершенно ясно почувствовалось, что наши дела не важны. По приезде разложили вещи по вагонам уже готового состава поезда командующего, и после этого началось бесцельное шатание от вокзала к пути, на котором стоял наш поезд, и обратно. Грядущее представлялось нам покрытым мраком неизвестности.

Гарнизонный лазарет, г. Инстербург. Ныне инфекционная больница.

Русские в Инстербурге

Воспоминания Отто Хагена

Несколько недель спустя после убийства австрийского престолонаследника и у нас в Инстербурге стали заметны признаки надвигающейся опасности. События вдруг стали развиваться очень бурно. 2 августа 1914 года колокола наших церквей объявили о мобилизации. Вы спросите, уважаемые читатели, почему колокола церквей? Ну, с древности церковные колокола не только созывали на молитву, но и предупреждали о грозе и буре, звали на помощь при пожаре и в беде, а также на защиту при приближении врага. А мобилизация для нашей пограничной земли была, безусловно, именно таким случаем.

Когда в пятницу, 21 августа, стало заметно угрожающее положение на фронте, через посыльного было срочно созвано собрание депутатов городского представительства, чтобы принять предусмотрительные меры на случай крайней необходимости. Собралась большая часть этого органа и члены магистрата. Однако принятые решения не были выполнены, потому что на следующий день почти все облеченные ответственностью отцы города и большая часть населения, по преимуществу его высших слоев, бежали. Остались общественные советники городского представительства д-р Бирфройнд, Дитц и Кесслер, бывший председатель городского представительства советник юстиции Форхе и еще четверо депутатов. Из чиновников и служащих городской администрации остались немногие, а вот пожарная команда почти в полном составе.

В эти дни через наш город в сторону Кенигсберга постоянно тянулись по-

возки беженцев из приграничных областей, что еще более усиливало страх среди населения. В воскресенье, 23 августа, через город в направлении на запад прошли также и немецкие войска. Затем в понедельник на улицах воцарилась оглушительная тишина. Отдельные немецкие кавалерийские части скакали галопом то на восток, то на запад. То и дело тишину разрывали выстрелы, потому что тем временем передовые части русских приблизились к городу. Население в испуге укрылось в своих домах. Около полудня русские прошли через город от Гумбинненского шоссе в сторону Кенигсберга.

Я находился в это время с оставшейся частью своей родни на Цигельштрассе² 4, в доме моего дядя Фридриха Мюллера. Там мы собрались вместе ожидать грозящей нам участи. Некоторое время спустя любопытство выманило моего кузена и меня из подвала. Мы прокрались на угол Зирштрассе, которая в то время еще считалась пригородом. Там мы увидели необычный спектакль. Мимо нас прошел бесконечный поток русских войск, конные и пешие части, многие в беспорядке, другие в безупречной униформе и с наилучшим вооружением. Среди них орудия и конные повозки, нагруженные ящиками с боеприпасами и продовольствием. Когда этот бесконечный поток немного поредел, мы с несколькими нашими родственниками пошли к нашему дому на Форштадт³ 34, чтобы по возможности уберечь его от разграбления. В течение всей следующей ночи мы сидели у окна в темной комнате и наблюдали

за действиями все еще проходивших мимо русских. Несколько раз запертую дверь нашего дома дергали, но силу не применяли.

Как член городской администрации я на следующее утро поспешил в ратушу. Моим тогдашним рабочим местом была регистратура и в то же время приемная обер-бургомистра. При моем появлении в ратуше уже находились три советника городского представительства и другие граждане, во главе с очень энергичным д-ром Максом Бирфройндом. Они ожидали приказов оккупационных войск.

Русские рассматривали Инстербург как ставку своего главнокомандования, ведь в отеле “Дессауер Хоф” расположились великий князь Николай и генерал Ренненкампф, поэтому они придавали особое значение тому, чтобы в городе царил определенный порядок. Уже 25 августа 1914 года они назначили д-ра Бирфройнда, известного инстербургского врача, губернатором города. Ему помогали общественные советники городского представительства Кесслер и Дитц, а также оставшаяся небольшая часть чиновников и служащих администрации; к последним принадлежал и я. Активную помощь оказывали также советник юстиции Форхе, хозяин типографии и домовладелец Квандель и торговец Ре. Д-р Бирфройнд оборудовал свое рабочее место в кабинете обер-бургомистра. Он сразу же издал все предписания, которые считал необходимыми. С разрешения русских был организован “отряд самообороны”, который, разумеется, без оружия, должен был заботиться о спокойствии и порядке в городе, разделенном на 21 округ. Насколько это было возможно с оставшимися небольшими силами, была налажена работа городской администрации. Нашлось еще несколь-

ко специалистов, которые трудились здесь без усталости, потому что работы был непочатый край.

Самой большой заботой поначалу было снабжение населения продуктами питания. Было предписано открыть все магазины, пекарни, мясные лавки, чтобы в продаже были имеющиеся товары, и в определенные часы продажа должна была производиться по нормальным ценам.

Так как русские через несколько дней предоставили в распоряжение убойный скот, то и в этом отношении хотя не было избытка, но не было и особого недостатка. К тому же в садах и на полях были картофель, овощи и фрукты.

Все алкогольные запасы должны были быть уничтожены, чтобы избежать нарушений сухого закона. Продажа алкоголя на разлив была строго запрещена как для русских, так и для немцев. Правда, это предписание не исключало, что почти везде были надежно припрятаны “резервы” ко дню освобождения, как показали дальнейшие события.

Предприятия бежавших владельцев были официально принудительно открыты, и туда были назначены доверенные лица для управления чужим имуществом. Выручку эти доверенные лица должны были сдавать в городскую кассу.

Все требования и распоряжения русской комендатуры передавались д-ру Бирфройнду, который должен был срочно объявлять о них при помощи плакатов и контролировать их выполнение.

Даже после того как прошел первый шок после вступления вражеских войск, когда все оставшиеся жители в страхе перед грядущим оставались дома, тяжесть этих дней все-таки сильно давила на нас, тем более что

не было никакой связи с внешним миром. Были изданы жесткие приказы, грозившие смертью и сожжением города за любое сопротивление или посягательство на жизнь. С 8 часов вечера до 6 часов утра ни одно гражданское лицо не имело права выйти на улицу.

Присутствие обоих оставшихся священников, Ляйдерайтера (лютеранская церковь)⁴ и Куна (реформистская церковь)⁵, во многом способствовало умиротворению населения.

Чтобы обеспечить безопасность русских, потребовали выставить заложников, сначала это было 3 человека, потом их число заметно возросло. Эти заложники жили в ратуше взаперти, менялись каждые 24 часа и гарантировали своей жизнью лояльность населения. Когда предположительно из одного дома был произведен выстрел, 27 августа был издан приказ, что, если еще раз из какого-нибудь дома будет произведен выстрел, этот дом будет сожжен, после следующего выстрела все дома на этой улице, а после третьего выстрела весь город. Гражданское население должно было сдать все оружие, тот, кого затем застигнут с оружием, должен был быть казнен. В эти дни русскими был расстрелян немецкий старший лесничий, который в униформе, хотя и без оружия, появился в городе. Но об этом мы узнали только несколько недель спустя, когда русские уже ушли.

Чувство постоянной угрозы не покидало население в течение всего времени оккупации. Это даже при том что русские солдаты вели себя по преимуществу дисциплинированно, после того как несколько мародеров в первые дни были приговорены главнокомандующим к расстрелу. Относительно хорошее поведение вражеских войск объяснялось, вероятно, тем, что

в ставке главнокомандующего были расквартированы только военнотружущие элитных полков.

Невозможно описать в рамках этого сообщения все события того времени. Следует упомянуть только одно потрясшее всех происшествие, которое могло стать для нас катастрофой. Это был несчастный случай при взрыве на городской водопроводной станции в пятницу, 28 августа. Так как специалисты этого предприятия тоже бежали из города, оно работало только временами, потому что у откомандированных туда рабочих отсутствовала квалификация. Русские энергично требовали повысить давление воды настолько, чтобы ей можно было в достатке снабжать и верхние этажи отеля “Дессауер Хоф”. Один русский ротмистр явился на водопроводную станцию, выдал себя за специалиста и потребовал запустить дизельный мотор. По его мнению, это нужно было сделать при помощи баллонов с кислородом и уголекислотой. Когда же мотор действительно заработал, давление было столь высоко, что произошел сильный взрыв. Его жертвами стали работавшие на водопроводной станции инстербургские жители: Косманн, Куны (отец и сын), Кюглер, Плускат, Тобен и Валлат. Д-ра Бирфройнда, который тоже находился на водопроводной станции, отбросило взрывом, но, к счастью, он был только незначительно травмирован. Однако русский ротмистр получил тяжелые повреждения. Из-за этого разразился настоящий ад, потому что русские были убеждены, что немцы намеренно повредили станцию и заложили динамит, что и привело к взрыву машин. Генерал фон Ренненкампф, главнокомандующий русских, пришел в ярость, когда ему передали сообщение о несчастном случае. Естествен-

но, он возложил ответственность за это на “проклятых немцев” и угрожал ужасными карательными мерами, если ротмистр умрет от последствий несчастного случая. Первым делом нужно было выставить 18 заложников. Так что от состояния ротмистра зависела судьба города и его населения. Если бы он умер, население должно было быть расстреляно, а город сожжен. В окружной больнице доктор Арларт прооперировал пострадавшего ротмистра, состояние которого оставалось, тем не менее, очень серьезным. В это время д-ру Бирфройнду продолжали угрожать последствиями лично для него и для всего города. Наконец состояние ротмистра улучшилось, и чаша сия миновала нас еще раз.

Глубоко трагичным днем было воскресенье, 30 августа 1914 года. Именно в этот день гражданских жертв катастрофы на водопроводной станции хоронили на церковном кладбище при участии почти всего инстербургского населения. Суперинтендант Ляйдерайтер произнес поминальную речь. Вечером того же дня в лютеранской церкви состоялось что-то вроде “народного собрания”, которым руководил суперинтендант Ляйдерайтер. На нем выступили оба священника. Д-р Бирфройнд и советник городского представительства Форхе разъяснили положение города. Все сословные различия и все личные интересы дол-

жны были отойти в сторону, и лозунгом стало: “Один за всех, и все за одного!”

В последовавшие за этим дни наступила определенная нормализация повседневной жизни. Ежедневно издаваемые приказы оккупационной власти предъявляли высокие требования к гражданской администрации. Нужно было распределять рабочую силу, транспорт и тому подобное.

Угрожающий характер приняли санитарные условия. Водопроводная станция из-за взрыва вышла из строя. Что это означает, когда в разгар летней жары, какая стояла в те дни, выходит из строя водоснабжение города, легко может представить себе каждый. Электричества тоже не было.

При поддержке русских инженеров водопроводную станцию несколько дней спустя вновь удалось запустить, хотя и не на полную мощность. Все-таки это был прогресс, потому что до тех пор приходилось обходиться колодезной или кипяченой речной водой.

5 сентября русские попы отслужили походное богослужение на Старом рынке. В завершение состоялся парад, который принимали великий князь Николай и генерал Ренненкамф. Из окна ратуши мы могли наблюдать за этим спектаклем во всех подробностях. Хозяин аптекарского и парфюмерно-галантерейного магази-

на Р.Готтвальд из квартиры над своим магазином сделал несколько снимков этого русского воинского шоу.

Это сообщение, написанное по воспоминаниям, кажется вполне безобидным по сравнению с ужасными событиями конца Второй мировой войны. Трудно передать, однако, какие драматические сцены разыгрывались изо дня в день в кабинетах губернатора в ратуше. Д-р Бирфройнд оставался в ратуше день и ночь в течение всего времени оккупации. В его кабинете царил постоянный оживление. Очень часто появлялись русские офицеры – говорившие по-немецки или с переводчиком – и предъявляли невыполнимые требования, большей частью с определенными угрозами, если их желания не будут выполнены. Д-р Бирфройнд не давал себя запугать. В своей известной, грубоватой манере он бесстрашно выступал против таких посетителей. При этом случалось, что он стучал своей дубовой палкой по столу и громко протестовал, а его длинная борода дрожала от возбуждения. Обычно он имел успех, этот язык русские понимали очень хорошо и в большинстве случаев, притихнув, отступали. Однако мы очень часто опасались за жизнь нашего губернатора, когда его по какому-нибудь делу вызывали к главнокомандующему.

Случались и забавные сцены. Так однажды к нашему губернатору привели двух “дам”, которые неприлично вели себя в моральном отношении. Вначале их крепко отругали, а потом, в заключение, вытолкали вон несколькими палочными ударами. Можно было бы сказать, что у нас уже так сильно вошло в практику русское “мелко уголовное право”, но в данном случае это было скорее, скажем так, не бюрократическое, экономически выгодное решение вопроса.

Так как телефона не было, послания губернатора отправлялись в “Дессауер Хоф” с посыльным. Много раз туда ходил и я, со смешанным чувством, потому что в верхней части Вильгельмштрассе встречались только русские. Но письмо можно было отдать и часовым у отеля. Впрочем, все, занимавшиеся официальной деятельностью, носили белую нарукавную повязку с русским штампом, так сказать, в качестве явного пропуска, а также для своей защиты.

Приблизительно с 8 сентября среди наших завоевателей стало заметно определенное беспокойство. После того как над Инстербургом пролетел немецкий самолет, вновь появились угрожающие приказы, в которых речь шла только о расстрелах и сожжении. Фабрика Браше действительно была сожжена в наказание за то, что с нее были предположительно произведены револьверные выстрелы. Повсюду русским чудились предательство, саботаж и шпионаж.

Если до тех пор до нас не доходило никаких известий с немецкого фронта, то в последующие дни просочилось несколько сообщений немецкой армии об изменении положения дел, которые население воспринимало с напряженным вниманием и надеждой.

Беспокойство русских росло с каждым часом. Мы заметили также усиленное передвижение войск. После того как уже 10 сентября стала едва слышна отдаленная пушечная канонада, в первой половине дня 11 сентября шум боя заметно усилился, а вместе с ним и нервозность наших завоевателей. Русские части спешили через город в сторону Кенигсберга, чтобы вскоре после этого вновь появиться в обратном направлении.

На следующий день уже можно было говорить о “шуме битвы”. Стал слышен артиллерийский и ружейный огонь на окраине города. Когда боевые действия приблизились к городу, улицы полностью опустели, только время от времени проносились в дикой спешке отдельные русские солдаты, будто ища спасительный выход.

Из ратуши мы могли довольно хорошо наблюдать за развитием событий. Опять возник робкий вопрос, пробил ли уже час нашего освобождения или нам предстоит еще трудные времена. После обеда наступила оглушительная тишина, пока вдруг около 5 часов на Рыночной площади не появился первый немецкий уланский патруль.

Мы устремились вниз, а со всех сторон стекались люди, чтобы поприветствовать наших освободителей. Тем временем в город входили все новые немецкие войска. Население ликовало на улицах, звонили колокола, и у каждого было чувство, как будто теперь закончились все беды и даже сама война. После радостного упоения моей первой мыслью было, что нужно ведь вывесить флаг города. Но положение было затруднительное, так как по распоряжению русских флагшток был демонтирован. Так что пришлось достать хранившийся на чердаке ратуши маркшейдерский шест и употребить его не по назначению как флагшток. На нем укрепили полотнище флага и вывесили через чердачное окно. В ответ на это снизу раздались возгласы ликования.

Между тем стемнело. Уличного освещения не было, но инстербуржцы не могли и не хотели больше ограничиваться комендантским часом. Мы принесли из парфюмерной лавки Гамма свечи и иллюминировали ими окна ратуши. Наш пример оказался заразительным, и вскоре многие окна квар-

тир на Старом рынке и прилегающих улицах сияли светом мерцающих свечей. Звонили церковные колокола, люди протягивали друг другу руки и обнимались. У многих глаза были мокрыми от слез радости.

Восторг населения возрастал с каждым часом. У каждого в запасе было еще немного продуктов, фрукты и тому подобное, и он отдавал их, чтобы угостить солдат. Как по мановению волшебной палочки вновь появились и “официально уничтоженные” запасы алкоголя, которые солдаты принимали с благодарностью, хотя алкоголь был все еще строго запрещен. В эту ночь никто из граждан не думал о сне, только вымотанные боями солдаты нашли по квартирам заслуженный покой.

Директор гимназии д-р Люке уже в тот же вечер спонтанно сочинил приветственное послание к нашим солдатам. Его начало гласило: “Кто видел сегодня ликование, когда первый немецкий уланский патруль вновь появился на нашем рынке, как все мы протягивали друг другу руки с глубоким, светлым взором, тот не забудет этого никогда в своей жизни!” Послание завершалось словами: “И у нас на востоке в руках у русских вскоре не останется ни клочка немецкой земли!”

Тридцать лет спустя русские опять пришли и оккупировали наш родной город Инстербург. Нас изгнали, а они остались и находятся там до сих пор. Произойдут ли когда-нибудь перемены? Мы не знаем и, наверное, не доживем до этого. Но часто в наших молитвах и снах мы говорим словами Агнес Мигель⁶: “Дай нам бог не суметь забыть то, что мы так любили!”

Insterburger Brief. Oktober 1964. N 9-10.

На снимке: парад русских войск, г. Инстербург. 5 сентября 1914 г.

1. Генерал Ренненкаммпф.

2. Великий Князь Николай Николаевич.

Инстербург.

Август четырнадцатого

До недавнего времени история нашего края и города официально начиналась с 1945 года. Но прошлое Восточной Пруссии — не только история народов, населявших ее. Это и часть истории России, главным образом, конечно, ее военной истории. Российские солдаты бывали в Восточной Пруссии и Инстербурге до 22 января 1945 года по крайней мере четырежды: во время Семилетней войны, в 1756 году, прославив русское оружие в битве под Гросс-Егерсдорфом, в 1806—1807 годах и в 1813 году, как союзники Пруссии в войне против Наполеона, и почти без малого через столетие — в 1914 году. Именно во второй половине августа этого года, отвлекая на себя силы Германии от находившейся в отчаянном положении союзницы — Франции, 1-я русская армия под командованием генерала Ренненкампа, продвигаясь с боями по Восточной Пруссии, заняла город Инстербург.

Приказы и распоряжения, относящиеся ко времени пребывания русской армии в Инстербурге, были собраны воедино и напечатаны в инстербургской газете — «Остдойче Цайтунг» в конце сентября 1914 года. Материалы этой газеты, а также журнала «Инстербургер Бриф» впервые публикуются на русском языке. Теперь, через 79 лет (Газета «Полюс», 25 августа 1993. — Черняховск.), с ними можем познакомиться мы, нынешние жители Инстербурга-Черняховска.

“Всем жителям Восточной Пруссии! Вчера, 4 (17) августа русская императорская армия перешла границу Пруссии и, после сражения с немецкой армией, продолжила наступление.

В соответствии с данными мне высочайшими полномочиями довожу до сведения следующее:

1. Каждый из жителей, кто окажет сопротивление императорской русской армии, будет безжалостно и без различия пола и возраста наказан.

2. Поселения, в которых будет совершена малейшая попытка покушения на русскую армию или в которых распоряжения... будут встречать сопротивление, будут немедленно сожжены.

3. Если жители Восточной Пруссии не допустят никаких враждебных действий, то малейшая оказанная русской армии услуга будет высоко оценена и оплачена; населенные пункты будут пощажены и в них будет сохранено право частной собственности.

Подписано: фон Ренненкампф, генерал-адъютант Его Императорского Величества, генерал от кавалерии”.

СПРАВКА. Русские военные власти подтверждают, что господин доктор Макс Бирфройнд назначен губернатором города Инстербурга.

Инстербург, 24 августа 1914 года”.

Свирепый тон обращения Ренненкампа не был только угрозой. Генерал

дважды за свою недолгую военную карьеру подавлял восстания — в 1900 году в Китае и в 1905 — в Восточной Сибири. В обращении мы видим фамилию Бирфройнд. Кем он был? Макс Бирфройнд был врачом, членом городского Совета. Когда обербургомистр Инстербурга Кирххофф покинул город, доктор Бирфройнд взял на себя обязанности главы администрации. Прибывший Ренненкампф, как указано выше, подтвердил его полномочия. Все далее приведенные обращения и распоряжения подписаны доктором М. Бирфройндом.

“К жителям Инстербурга и беженцам Восточной Пруссии! Каково наше положение?”

Для дальнейшего спокойствия и порядка в городе Инстербурге отдаю следующие распоряжения:

1. Люди, имеющие белые нарукавные повязки, будучи членами городской обороны, наделены всеми полномочиями бывшей полиции, и, сверх того, русские солдаты обязаны оказывать им немедленную помощь и содействие в тех случаях, когда распоряжения городской обороны не выполняются..., все заявления о нарушениях общественной безопасности и преступлениях против частной собственности немедленно доводятся общественностью до члена городской обороны, который обязан принять дальнейшие меры.

3. Я приказываю всем городским чиновникам и ответственным лицам немедленно приступить к исполнению своих обязанностей, возложенных на них присягой. Я ожидаю, что ни один из городских служащих не доведет дело до того, чтобы русские оккупационные власти принуждали его силой выполнять служебные обязанности”.

Очень интересен следующий пункт:

“4. ... доведу до сведения, что с завтрашнего утра и далее ежедневно с 9 до 12 часов во дворе бойни гражданскому населению бесплатно будет выдаваться мясо. Я ожидаю, что при этой раздаче будет сохраняться строжайший порядок и согласованность, т. к. в противном случае дальнейшая раздача мяса будет прекращена русскими оккупационными войсками.

5. ...каждый желающий работать будет занят... на государственной службе, и ему в конце рабочего дня будет выдаваться заработная плата наличными... Любой безработный, способный работать, должен быть готов к тому, что, будучи встреченным на улице, он может быть привлечен русскими оккупационными властями к неоплачиваемым работам...

8. Я убежден: все жители Инстербурга поняли, что, имея добрую волю, нам удастся даже в этих условиях сохранять спокойствие и порядок в нашем городе, если каждый горожанин, который любит свою родину и свой город, внесет в это свой вклад”.

Как видно из текста распоряжения, меры, принимавшиеся тогдашней городской администрацией и русским командованием, носили четкий, организованный характер. Все усилия власти были направлены на то, чтобы каждый инстербуржец, сохраняя спокойствие, добросовестно выполнял свой общественный долг и был уверен в своем благополучии и безопасности.

Налицо забота о достоинстве, ответственности и правах горожан.

Но война есть война. Нарушители военных порядков, подозреваемые в преступлениях против русской армии, арестовывались оккупационными войсками. Заботой о судьбе арестованных, верой в благородство сограждан проникнут следующий документ:

“ПРИЗЫВ. Всех горожан, которые готовы добровольно взять на поруки задержанных русскими военными властями, я призываю заявить о своей готовности в моем рабочем кабинете в ратуше для внесения в почетный список, который будет немедленно опубликован и сохранен. 26 августа 1914 года”.

Как вы понимаете, в то время “взять на поруки” означало совсем не то, что сейчас, когда мелкого жулика берут на поруки всем коллективом. Нет, тогда это означало прямую личную ответственность поручителей. История сохранила их имена. Торговец Карл Эфа, портной Август Блюдау и архитектор Эмиль Кадерайт.

С творениями архитектора Кадерайта знаком каждый черняховец. Это по его проектам выстроены казармы на ул. Гагарина, здания в больничном городке на ул. Тухачевского, базы горторга, перестроены и расширены здания почтамта (ныне бани), городского суда (магазин на ул. Калининградской, стойко именуемый в народе “гестапо”), помещение рынка. Среди его загородных построек знаменитая башня Бисмарка. Под руководством Кадерайта были осушены луга между Анграпой и Инстручем. Хотя об Эмиле Кадерайте наша газета уже писала, нелишне еще раз вспомнить об этом талантливом, трудолюбивом и смелом инстербуржце.

Как указывают очевидцы событий августа 1914 года, нетерпеливость русского офицера при запуске

электрооборудования водонапорной башни привела к взрыву и пожару. Погибли трое русских и семеро немцев. Генерал Ренненкампф был в ярости, и губернатор чудом избежал расстрела. Но жизнь продолжалась, и Бирфройнд продолжал свои хлопоты, связанные с налаживанием быта жителей города.

“ОБЪЯВЛЕНИЕ. Всем лицам, занимающимся каким-либо ремеслом, а особенно тем, кто производит продукты питания, еще раз предлагается открыть свои предприятия и работать при любых обстоятельствах... Лавки, которые после публикации этого распоряжения будут обнаружены закрытыми, будут немедленно официально открыты, и продажа товаров будет производиться членами городской обороны... Вся выручка из тех магазинов..., чьи владельцы бежали до оккупации из города... с данного момента и до возвращения владельцев должна ежедневно сдаваться под расписку в главную городскую кассу. В связи с комендантским часом торговые точки должны быть открыты с 7 часов утра до 7 часов вечера. 27 августа 1914 года”.

“Дальнейшие меры по смягчению нужд военного положения, особенно для членов семей наших военнослужащих:

1. Бесплатная раздача мяса во дворе бойни будет ежедневно проводиться, как и раньше, если горожане будут следовать и точно исполнять мои предписания и распоряжения...

Я надеюсь, что полученное мясо будет роздано соседкам и действительно в тот же день будет израсходовано... Чтобы обеспечить со-

стоятельную часть населения надежным источником приобретения мяса, я учредил в лавке на Альтер Маркт (ныне пл. Ленина — Т. К., Д. С.) магазин по продаже мяса и мясопродуктов, выручка от продажи в первую очередь должна покрывать дополнительные расходы, связанные с бесплатной раздачей мяса неимущим.

2. Заготовку картофеля я провожу таким образом, чтобы с картофельного поля имения Пирагинен все взрослые женщины с детьми от 10 лет... получили разрешение ежедневно выкапывать и брать с собой картофель в количестве примерно пяти килограммов... Я установил, что во всех оптовых предприятиях пищевой промышленности... имеются такие богатые запасы, что каждый ученный ремесленник и дальше сможет удовлетворить свои потребности. 28 августа 1914 года”.

“ОБЪЯВЛЕНИЕ. Принимая во внимание, что со всех солдат требуют исключительно высокую плату за продукты и деликатесы, армейское командование с этого момента разрешило в ресторанах, закусовых, пивных наряду с продажей алкогольных напитков и продажу баварского пива. Но владельцы трактиров обязаны строго следить за тем, чтобы не имели места случаи пьянства, общественные места

должны закрываться строго в 9 часов и цены должны держаться в границах для мирного времени. 16 сентября 1914 года”.

“ОБЪЯВЛЕНИЕ. Довожу до сведения, что сегодня курсовая цена рубля — 2,00 марки. Я еще раз предлагаю всем коммерсантам, а также посланным на еженедельную ярмарку крестьянам безусловно принимать русские деньги по этому курсу, так как в противном случае я закрою с

полицией магазины, а крестьяне будут удалены с рынка вместе с их продуктами. 16 сентября 1914 года”.

К моменту подписания последних приведенных документов русских уже не было в городе. 5 сентября 1914 года русские войска провели на Альтер Маркт парад, молебен и награждение, а к полудню 11 сентября последний солдат 1-й русской армии покинул Инстербург в направлении Гумбиннена.

Доктора Бирфройнда не репрессировали, как изменника Родины, за сотрудничество с оккупантами, это случилось бы с ним, живи он тремя десятилетиями позже. Напротив, работа д-ра Бирфройнда очень высоко и скоро была оценена: “... он имеет моральные заслуги перед городом...”, — писала газета “Гамбургер корреспондент”. Корреспондент “Берлинер тагеблатт” сформулировал свою мысль так: “Подписанные г-ном Бирфройндом

объявления точно и отрадно показывают достойное самообладание перед временным правителем”. Собрание магистрата и городской администрации Инстербурга вручило доктору приватный адрес, где, в частности, говорилось: “Вы мужественно взяли на себя руководство нашим городом, который был покинут в первую очередь компетентными служащими администрации, и мужественно, с риском для жизни, представляли перед лицом противника наш город и горожан...”

Добавим, что на карте Инстербурга были улицы, носившие имена д-ра Бирфройнда и его помощника, советника юстиции Форхе. Последняя сохранилась, это нынешняя улица Калинина, где работает районная администрация, которой остается пожелать в наше сложное, но все же мирное время большего внимания к нуждам горожан, большего мужества и самоотверженности.

На снимке: Доктор Макс Бирфройнд.

Отель переживает мировую историю

*Воспоминания Германна Торнера,
владельца отеля «Дессауер Хоф»*

Разражается война

Инстербург находится всего в 61 километре от тогдашней русской границы. Целые кварталы казарм, в которых располагались штабы и части всех родов войск, до начала войны придавали ему облик крупного пограничного гарнизона, а русские офицеры в форме из близлежащих пограничных населенных пунктов, делающие покупки в городе, не были чем-то необычным. Вблизи вокзала, в удобном месте, находится и мой отель, построенный в 1911-1912 годах придворным мастером Остерротом, “Дессауер Хоф”. Я дал ему это название с любезного разрешения герцога Георга-Фридриха Ангальт-Дессауского ввиду того, что в непосредственной близости от Инстербурга Ангальтская династия имеет большие земельные и лесные владения, а мой родной поселок Гросс-Бубайнен со школой и церковью находился в подчинении герцогского казначейства.

Если еще до войны мой отель, в особенности из-за существующей и поныне “Дессауской комнаты”, отличался особой традицией, то первые же события войны придали ему историческое значение: потому что в его помещениях командующий русской армией генерал Ренненкампф впервые потерпел провал своего оперативного управления и вместе с ним крупные неудачи своих войск, так значительно превосходивших нас в численном отношении, и в тех же самых помещениях – всего несколько часов спустя – немецкий полководец, генерал фон Гинденбург, в то время уже победитель сражения под Танненбергом, устроил свою штаб-квартиру до окончательного освобождения Восточной Пруссии от русских войск.

При близости русской границы начало войны, естественно, особенно сказалось на общественной и экономической жизни Инстербурга. Гарнизон выступил

пил на охрану границы еще после объявления об угрозе военной опасности. В провинции, которую трудно было защищать из-за ее географического положения, требовался призыв не только в ополчение 1-го разряда, но и в части ополчения 2-го разряда. Поэтому сразу же после объявления войны в Инстербурге были созданы и расквартированы многочисленные запасные части и новые формирования.

Мне тоже пришлось отпустить под военные знамена своих военнообязанных служащих, хотя именно теперь мой отель был чрезвычайно загружен работой. Решение остаться в Инстербурге далось мне также нелегко. Ведь вскоре после начала войны не только городские власти, выполнявшие при этом, наверное, какое-то распоряжение сверху, уехали из города, но и многие видные граждане и торговцы со своими семьями покинули его бегством. К тому же Инстербург день ото дня заполнялся беженцами из приграничных районов, распространявшими почти невероятные слухи о жестокости русских войск по отношению к беззащитному населению.

Отчетливо слышная пушечная канонада боев под Гумбинненом и постоянно увеличивающееся зарево вечерами в восточной части ясного летнего неба - хорошо различимое с высокой обзорной башни моего отеля - повышали всеобщую растерянность. Когда же в один прекрасный день стало известно, что наш начальник штаба покинул Инстербург, большинство жителей уже ничто больше не удерживало. Все в панике устремились на вокзал, чтобы как можно скорее с любой оказией выбраться из находившейся в опасности провинции.

Впрочем, несколько успокаивало распоряжение командования гарнизона, в котором говорилось, что в интересах общества и хозяев не закрывать ни дома, ни магазины, так как дома, оставшиеся без присмотра, могут подвергнуться опасности быть разграбленными и разрушенными входящими в город войсками. Было даже четко предписано после отступления немецких войск прини-

мать русских с гостеприимством. Меня это объявление и призыв офицеров штаба I. АК тоже укрепили в решении не покидать Инстербурга и в любом случае сохранить за собой руководство своим отелем. С каждым днем пушечная канонада слышалась все отчетливее, каждый вечер усиливалось непривычное для нас зарево в восточной части неба. В городе постепенно стало тихо. Даже сформированные запасные части с учетом угрожающего городу положения были переведены в Кенигсберг или в рейх. Поток беженцев иссяк. Городским властям Гумбиннена, в первые же дни войны перебравшимся в Инстербург, в мой отель, пришлось уступить штабу I. АК, ведущему боевые действия под командованием генерала фон Франсуа, который конфисковал отель под штаб-квартиру корпуса. Тем самым Инстербург стал зоной боевых действий. В это же время у меня начались трудности с дальнейшим ведением дел в отеле, а именно в хозяйственном отношении. Хотя я и заключил с комендантом штаб-квартиры корпуса соглашение относительно питания, но так как из стоимости питания высчитывались деньги за проживание, которых мне поначалу никто не платил, у меня начались большие денежные затруднения. Я мог помочь себе только тем, что предлагал офицерам и солдатам штаба, которых должен был кормить, простую домашнюю пищу, которой все были очень довольны.

В пятницу, 21 августа, штаб I. АК также покинул мой отель, а на следующий день Инстербург оставили и последние части немецких войск. Нас ждало неизвестное будущее.

Русские идут

После отступления последних немецких войск в моем отеле тоже стало тихо. Указав на неопределенность, с которой мы столкнулись, я предоставил своему персоналу выбор: оставаться и дальше у меня или – пока не поздно – покинуть Инстербург. Это было вечером 22 августа. Все пообещали остаться у меня. Но когда я утром 23-го, в прекрасное летнее воскресенье, пришел в свои хозяйственные помещения, все как вымерло. На своем предприятии я встретил только старшего официанта Хенчеля (впоследствии директора отеля), одного ученика официанта, девушку-ученицу и моего 16-летнего сына Вилли. Все остальные ночью сбежали. Оставшиеся же пережили у меня все трудное время. Кроме того, в мое распоряжение поступил один мой друг, инстербургский торговец Хасфордт. Он тоже не покинул меня в трудное время и часто с успехом замещал меня. Моим следующим шагом в это воскресенье был визит в магистрат, чтобы забрать предписания. Практикующий врач, советник медицины д-р Бирфройнд, который принял городские дела после отъезда тогдашнего бургомистра, сразу же включил меня и Хасфордта в сформированный им отряд самообороны и назначил нас для охраны части города, примыкающей к вокзалу. Снабженные удостоверением и белой нарукавной повязкой, мы тут же выступили в свой первый разведывательный обход, и тут я убедился, что вымершим выглядит не только мой отель, но и весь город. В первой половине дня в городе еще можно было встретить отдельные немецкие патрули, последний из них ушел, взяв в плен у отеля “Рейнишер Хоф” русского кавалериста.

Когда после обеда я стоял перед своим отелем, по улице, ведущей мимо него, обычно такой оживленной, а теперь в мертвой тишине, вдруг подъехал верхом немецкий саперный ефрейтор и попросился на постой, немного позже подошел немецкий пехотинец. Я принял их обоих, накормил и устроил с тем условием, что завтра утром они отправятся в путь, чтобы догнать свои части и не попасть в плен к русским. Мне пришлось очень четко разъяснить обоим свою позицию, так как, несмотря на свою немецкую униформу, они не доверяли друг другу. Видимо, каждый принимал другого за шпиона.

В понедельник, 24 августа, около 8 часов утра, в город вступили первые казачьи патрули. Держа карабины наизготовку на коленях, они опасливо всматривались в дома в страхе, что в них начнут стрелять. Потом вверх по Гольдапской⁷ улице - впоследствии улице Гинденбурга – прошли сомкнутым строем подразделения всех родов войск. Тут мне, к моему ужасу, пришла в голову мысль, что я не убедился, ушли ли уже немецкие солдаты, которых я приютил накануне. Я послал посмотреть, и действительно, они еще мирно спали глубоким сном. Я быстро велел разбудить их и накормить завтраком. Убедившись, что поблизости от отеля пока не видно ни одного русского, я сказал им, чтобы они бежали к железнодорожному туннелю, а потом шли вдоль рельсов в сторону Кенигсберга, там они еще должны были встретить немецкие войска. Они и ушли, но вскоре вернулись, уже в верхней гражданской одежде, и сказали, что не могут выбраться из Инстербурга, так как русские уже входят в город со всех сторон. Они очень просили меня оставить их у себя. Для долгих размышлений времени не было, и я решил рискнуть. Они получили гражданскую одежду; одного, Теодора Винтига, маленького шустрого паренька из Берлина, я определил слугой, другого, Рихарда Вердехофа - официантом. Ему, чтобы не бросаться в глаза, - он был высокого роста и крепкого телосложения – пришлось занять место за буфетной стойкой. Их униформу спешно собрали и спрятали на участке соседнего машинного товарищества так, чтобы никто в отеле не заметил, что здесь находятся переодетые немецкие солдаты.

Прошло опять совсем немного времени, и у нас появился первый русский гость. Это был казачий полковник, которому я должен был показать отель. Когда он все осмотрел, то сказал мне по-немецки, чтобы я никого не принимал, потому что в отеле поселится главнокомандование. Ему самому также выделили комнату, он устроился там, заказал хороший обед и игристое вино. Пока я совершал предписанный мне патрульный обход, а Хасфордт оставался один в отеле, вскоре после полковника пришел какой-то казак и хотел проникнуть в отель. Хасфордт, однако, вытолкнул его за дверь и запер ее. Но казак не испугался, а стал изо всей силы ломиться в дверь и грозился, что будет стрелять. Хасфордт в страхе побежал в номер к казачьему полковнику и сообщил ему об этом происшествии. Полковник тотчас устремился вниз, распахнул дверь, ударил казака по лицу, так что тот скатился с лестницы, и приказал проходившему мимо русскому патрулю тут же арестовать его. На следующее утро он сказал мне только, что тот “больше не ворвется, он уже спит”.

Утром 25 августа прибыл квартирмейстер, чтобы подготовить отель для генерала Ренненкампа и его штаба. Мне пришлось показать ему все комнаты, и он написал на белых дверях синим мелом имена офицеров, которые будут жить в этих номерах. Меня охватила досада оттого, что он испачкал мелом

чистые, белые двери номеров и запретил мне туда входить. Этот человек грубо обругал меня и сказал, чтобы я вел себя спокойно, а то он обойдется со мной иначе. Но я не дал себя запугать, а высмеял его. Когда же я затем показал ему так называемую “княжескую комнату”, в которой должен был жить генерал Ренненкампф, он спросил меня, нет ли еще лучших комнат. Я опять не сумел скрыть свою досаду и спросил его резким тоном, получали ли они лучшие комнаты в русских отелях. Он ничего не ответил, но посмотрел на меня высокомерным взглядом и только торжественно произнес: “Ренненкампф”.

Ренненкампф “оказывает честь” отелю “Дессауер Хоф”

Главнокомандование русской армии под руководством генерала Ренненкампфа прибыло в Инстербург еще 25 августа и поначалу разместилось в тогда еще существовавшем отеле “Кениглихер Хоф”⁸ (впоследствии Дойче банк), вероятно, потому, что этот отель был первым, который ему встретился при вступлении в незнакомый город. Но уже через день Ренненкампф перенес штаб-квартиру своей армии в “Дессауер Хоф”. Во второй половине этого дня в автомобиле подъехали штабные офицеры. Комендант штаб-квартиры армии, полковник граф Шувалов, чрезвычайно любезный господин, который прибыл первым, сразу же представился мне и по-немецки попросил меня поприветствовать прибывающих. Я пошел навстречу его пожеланию и сразу же, в соответствии с его просьбой, велел организовать обед на веранде моего отеля для главнокомандующего и его узкого окружения, приблизительно 12 офицеров и высших военных чинов. При этом я впервые увидел Ренненкампфа. Несмотря на множество незнакомых людей, которые вдруг окружили меня, я сразу же узнал в нем главнокомандующего. Человек плотного телосложения с высоким лбом, пронизывающим взглядом и бросающимися в глаза густыми, длинными усами. Голову он, однако, брил, что во время его пребывания в Инстербурге ежедневно проделывал парикмахер Шрайбер.

Генерал Ренненкампф (второй слева) со своим штабом на обеде в отеле «Дессауер Хоф».

Офицеры русского генерального штаба, которых можно было узнать по аксельбантам, как я понял из их разговоров, были явно удивлены, обнаружив в Инстербурге такой крупный, хорошо оборудованный отель. Их обрадовал также и прекрасный облик города, они называли его городом цветов. Органы, которым было доверено обустройство штаба, быстро и энергично провели переоборудование моего отеля в штаб-квартиру армии с ее сложным оснащением. Для узкого окружения главнокомандующего была зарезервирована веранда, в “зале Бисмарка” питалась 2-я смена. Большой ресторан остался в качестве буфета. “Дессауская комната” с отдельным входом из вестибюля была оборудована под почту и телеграф. Вход в отель, где впоследствии стоял бюст Гинденбурга, вначале был закрыт, а потом вновь открыт в дополнение к почтовому центру.

Сначала я должен был присутствовать во время еды. Граф Шувалов, прежде чем были расставлены блюда, взял кусок мяса и дал его мне, чтобы убедиться, что еда не отравлена. Ренненкампф при этом следил за мной и бегло спросил по-немецки: “Господин хозяин, как долго, по-Вашему, продлится война?”

Я ответил, что война, наверное, продлится не дольше нескольких месяцев. Но он возразил: “Два года я хочу вести войну”. Я подумал и сказал, что в это верится с трудом, потому что на это не хватит денег. Ренненкампф возразил кратким, повелительным тоном: “Мы найдем достаточно денег для войны в Германии”. Я остался при своем мнении и промолчал. Не мог же я им сказать, что наши немецкие офицеры сказали мне, что вернутся через две недели!

На следующий день, 27 августа, когда все было распределено, в мой отель въехал также великий князь Николай Николаевич. В противоположность генералу Ренненкампфу он был худощавым, высоким мужчиной. Великий князь поселился в так называемой башенной комнате на 4 этаже, оборудованной под рабочий кабинет. Были положены большие плиты, так что получился большой стол, на котором размещался обширный картографический материал. Великий князь, к которому все обращались “Ваше высочество”, жил очень уединенно и много работал. Он почти все время проводил в своей комнате и почти никогда не ходил в ресторан. Еду, которую он получал с русской кухни, он тоже брал наверх, а прислуживал ему его слуга. Он держался в стороне ото всех мероприятий, кроме крупных официальных обедов, которые устраивал Ренненкампф, и выпивал только в обед и вечером по маленькому стакану светлого инстербургского пива, которое, однако, велел записывать на счет Ренненкампфа.

В официальных обедах, которых было множество, кроме великого князя принимали участие и состоявшие при штабе греко-католические священники, представлявшие собой странное исключение со своими длинными волосами, длинными бородами и длинными, толстыми золотыми цепями на шее, на которых висели распятия. Там же присутствовали и сестры милосердия, относившиеся к высородному русскому дворянству.

Поначалу в моем отеле все шло гладко. Обслуживать из-за недостатка квалифицированного персонала было сложно, тем более что отель был занят сверху донизу. Даже в коридорах и вестибюлях располагались часовые и денщики, во дворе, в палатках, жила охрана конюшни, состоявшая из казаков.

Продуктов вначале было достаточно. Одна торговка предложила мне центнер живых угрей, я взял их у нее, чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Перед приходом русских я приобрел и домашнюю птицу у уезжавших жителей и у людей, которые думали, что не смогут ее больше держать, а также несколько центнеров мяса, которое было помещено в холодильник. После прихода русских содержать холодильник в рабочем состоянии не удалось, потому что в первое время не было электрического тока. Поэтому вскоре запасы покрылись плесенью, и их пришлось выбросить в компостную кучу. Из-за этого у меня было много работы. То же самое произошло с моими прекрасными угрями. Подвоз воды полностью отсутствовал. Вследствие этого протухла вода в рыбном чане, так что угри погибли. Их тоже пришлось выбросить в компост. Единственное, что у меня оставалось, была птица, для которой имелось достаточно корма. И это оказалось большой удачей, потому что русские очень любили птицу.

О населении города тоже заботились. Русские распорядились, чтобы деревня снабжала продуктами еженедельные базары и чтобы все магазины оставались открытыми.

Крестьяне поставляли все, что было возможно, так что в магазинах хватало мяса, птицы и масла, и очень дешево. Русские даже подвозили мясо прямо в отель, так что и мой персонал был накормлен. Несмотря на это русские сообщали, что нужно запастись продуктами, потому что наступит трудное время, а заботиться о населении не их дело. Я также закупил много консервов, которые отдавались больше частью даже ниже закупочной цены. Не было только сахара и копченого окорока.

Работа отеля была теперь в общем и целом отрегулирована. По утрам, в 6 часов, должен был быть готов завтрак, во время которого я должен был присутствовать. Сразу же после завтрака все принимались за работу в кабинетах. На обед все собирались опять, тогда приходилось быстро подавать еду. После этого все исчезали, чтобы вернуться только вечером. Я обслуживал узкое окружение Ренненкампа, а также буфет, в то время как вторую смену кормила по-русски собственная кухня. Для этой цели кухня была разделена, и 7-8 русских поваров готовили там еду для второго штаба. Вскоре начались первые трудности. Так как русские хозяйничали в одном помещении с моим кухонным персоналом, они вскоре так подружились с девушками, что это затруднило работу, и обслуживание штаба стало задерживаться. Поэтому я потребовал от русских, чтобы они оставили моих девушек в покое и не отрывали их от работы. Указания, которые я давал повышенным тоном, услышал и Ренненкамп и передал мне, чтобы я успокоился.

Я тотчас пошел к нему и объяснил ему ситуацию, он меня спокойно выслушал. Сразу же после этого один офицер был откомандирован для присмотра на кухню, у него был приказ оставаться там внизу целый день. Этому офицеру, капитану, было не позавидовать из-за его поручения, но так как он, в общем-то, поддерживал порядок, я не раз посылал ему для подкрепления водки или коньяка.

Чистота не была достоинством русских поваров. Они всегда брали только самые лучшие куски мяса, все остальное выбрасывалось. Весь мусор сгребался и выносился во двор. Естественно, там вскоре появилось зловоние, так что русские потребовали от меня все вывезти. С большим трудом мне удалось добиться от магистрата вывоза отходов раз в два дня.

С оборудованием русские обращались крайне небрежно. Каждый день они разбивали несчетное число стаканов и тарелок. Белье расходовалось в невероятных количествах, скатерти они просто разрывали пополам и повязывали себе как фартуки. Точно так же трудно было со снабжением углем. На мою просьбу русские ответили мне, что он им не нужен. Поэтому мне пришлось самому возить уголь с железной дороги на старой почтовой повозке.

С 12 ординарцами, которые должны были обслуживать вторую смену, у меня тоже начались трудности. Они брали из буфета пиво и водку, а рассчитывались потом вечером. Но поскольку они никогда не хотели платить то, что были должны, начинались споры, и из-за этого я каждый день терпел большие убытки. Поэтому мне пришлось обратиться к интенданту, майору фон Бреверну, который спросил меня, сколько мне должны. Я назвал ему долг за этот день, 4 рубля 20 копеек. Он распорядился записать эту сумму на счет казино, но в то же время сказал, чтобы я больше не приходил к нему с такими требованиями. Ординарцы подслушивали этот разговор за дверью, и следствием было то, что с тех пор они стали обманывать меня еще больше.

Заботы и опасности

Мой персонал, как уже упоминалось, ушел, за исключением нескольких верных людей. Конечно, я мог справиться с огромной работой по обслуживанию русских клиентов только с соответствующей помощью. Так я складывал белье в настоящие горы, потому что не было электричества и воды, чтобы использовать расположенную на пятом этаже отеля прачечную. Мне пришлось искать другой выход и устраивать ее в подвале. Естественно, из-за этого мне нужно было тройное количество персонала. С помощью магистрата я, наконец, получил нужных людей. Но едва это чрезвычайное положение было устранено, как возникли новые трудности.

Русское главнокомандование распорядилось, чтобы с 8 часов вечера до 8 часов утра никто не выходил на улицу. Поэтому мои люди должны были до 8 часов уйти домой, так как в отеле для них не было места, а утром после 8 часов они приходили или, скорее, пытались прийти, потому что цепь часовых, окружавшая “Дессауер Хоф”, не пропускала их. Кроме того, я получил четкий приказ лично сообщить магистрату, что никто не имеет права передвигаться в зоне оцепления вокруг моего отеля. Вследствие этого Хасфордту и мне приходилось следить за тем, чтобы приводить в отель подсобных рабочих, когда они подходили к часовым. Это было возможно, так как работавшие в отеле уже были внешне знакомы часовым. Однако при непрерывной работе в отеле не всегда было возможно вовремя забирать моих людей. Поэтому временами часть людей, иногда до половины, не пропускали через оцепление. Тогда они, конечно, уходили домой.

Это приводило к сбоям в работе, и уже появились жалобы. Я попытался в этих условиях получить пропуска для персонала, и меня направили к личному адъютанту Ренненкампа, полковнику фон Гербелю. По его указанию я подготовил список с точными анкетными данными соответствующих людей. Затем по распоряжению полковника я передал его ротмистру, которому было приказано подготовить пропуска.

Но когда я вечером попросил его выдать пропуски на руки, он пожал плечами, провел рукой по горлу и лаконично сказал, что так не пойдет, потому что если что-нибудь случится, ему придется отвечать.

В конце концов, после моей повторной настоятельной просьбы, полковник фон Гербель лично выдал мне четыре удостоверения, которые по мере возможности должны были мне помочь.

Пожеланий у русских всегда было много. Так после прибытия Ренненкампа ко мне подошел граф Шувалов и сказал, что он хотел бы принять ванну. Поскольку из-за отсутствия воды водопровод вообще не функционировал – вероятно потому, что в казармах русские солдаты (улань, рейтарские егеря, полевая артиллерия, пулеметные подразделения и пехота) беспрерывно лили воду из гидрантов – на верхних этажах было невозможно устроить ванны, мне пришлось ванную для персонала в подвале, которая снабжалась горячей водой с кухонной плиты, оборудовать коврами, покрывалами и креслами, чтобы она соответствовала его пожеланию, а меня оставили в покое. Когда я поставил графа в известность об этом новшестве, он проявил удовольствие, но тут же добавил, что о ванной никто не должен знать, это только для него и полковника фон Гербеля.

Видимо, чтобы выразить свою благодарность, полковник фон Гербель остановил меня на следующий день и сказал, что если у меня будут поводы для жалоб, я должен обратиться к нему, так как всем распоряжается он.

Офицеры штаба часто интересовались моим мнением о войне и тем, воюют ли мои сыновья. Тогда я сказал им правду; вначале они приняли озабоченный вид и сказали, что это нехорошо, что мои сыновья на войне. Но я сделал вид, будто я убежден, что русские, если Россия выиграет войну и потребует себе Восточную Пруссию, будут справедливо управлять Восточной Пруссией и экономические отношения вновь улучшатся. Это чрезвычайной польстило их тщеславию, и они напомнили мне, что цены, которые я сейчас беру, равнозначны чаевым. У меня было чувство, что они хотят расставить мне ловушку, и поэтому я по возможности избегал таких разговоров. Впоследствии они тоже оставили меня в покое.

К возможности воспользоваться помощью полковника фон Гербеля мне пришлось прибегнуть несколько дней спустя. Главнокомандование русских приказало, чтобы цены на еду и напитки не повышались по сравнению с довоенным временем. Однажды вечером интендант барон фон Бреверн потребовал бенедиктина. Обслуживающий официант, а это был один из переодетых солдат, при расчете потребовал чаевых сверх цены. Барон крайне разозлился, вызвал меня и обвинил в том, что я нарушаю указания главнокомандования. Хотя я и видел его насквозь, но сделал вид, что официант допустил ошибку, и попросил у него извинения. Однако он не хотел ничего слышать и объявил, что извинения ничего не стоят, что предписание нарушено, он оштрафует меня за это на 3000 рублей и, кроме того, меня сошлют в Сибирь. Так как я оставался в неведении относительно того, как обернется дело, я на следующее утро пораньше пошел к полковнику фон Гербелю, которому изложил обстоятельства дела, и попросил его о вмешательстве. Он успокоил меня и сказал, что мне ничего не будет. Ничего и не произошло, а барона, который до этого по-

стоянно подходил ко мне с просьбами, мы в течение нескольких дней не видели. Постепенно я научился обращаться со своими необычными гостями, как с офицерами, так и с командой. По вполне понятным причинам мне приходилось избегать столкновений, к тому же у меня на предприятии все еще находились оба немецких солдата. Мне казалось целесообразным поддерживать завоевателей моего родного города в хорошем настроении, и это было правильно, как показали дальнейшие события. Так что я часто отступал, даже в тех случаях, когда был не согласен.

О достоинствах немецких вин русские имели слабое представление, они хорошо знали только французские шампанские вина. Зато за сигаретами они гонялись, как черт за грешной душой. Поэтому свои немалые запасы я отнес в свою квартиру на четвертом этаже, сложил их в бельевые корзины и тщательно прикрыл перинами и бельем. Каждый день я относил вниз лишь столько, сколько считал необходимым.

Однажды вечером, уже после закрытия, ко мне пришел офицер из 2-ой смены и пожелал купить сигарет, но чтобы я предложил ему выбор из лучших, которые у меня были. Я проверил, что внизу у меня только 3 пачки по 100 штук, которые в то время продавались по 10 пфеннигов за штуку. Я выложил их ему и назвал цену, которая составляла в русских деньгах около 10 рублей – рубль в то время стоил примерно 3 марки.

Он возразил надменным тоном, что в России сигареты стоят 1 пфенниг, и ушел.

Сразу же после этого появился один из русских жандармов, которые охраняли по ночам входную лестницу, и сказал на ломаном немецком: "Вот рубль, дай

Парад русских войск в Инстербурге. Первый в строю - генерал Ренненкампф, за ним следует Великий Князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий русской армией.

сигарет”. Когда я его спросил, какой сорт и сколько он хочет, он ответил: “Дай сигарет, ты знаешь. Какие ни дашь, любые сойдут”.

Я все понял и дал ему 300 сигарет на рубль. Потом я посмотрел ему вслед, чтобы убедиться, что он будет делать с сигаретами. И верно, у лестницы стоял офицер и забрал сигареты.

Но случалось и так, что офицеры, просто чтобы придрататься, делали всевозможные упрёки. Однажды несколько офицеров вызвали меня в ресторан и пожаловались, что еда слишком дорогая. У меня на языке вертелись крепкие слова, но я вовремя взял себя в руки и ответил с вежливым поклоном: “Пожалуйста, господа, сами определите цену, я согласен”. Они больше ничего не сказали, кроме “добре”, а после этого уплатили даже больше, чем еда стоила по моим представлениям!

Однако не всегда все было гладко. При штабе состоял один черкесский вахмистр, настоящий великан. Он был штабным ординарцем и со своими людьми день за днем выезжал лошадой штаба Ренненкампфа. Обычно он был очень обходительным и дружелюбным. Однажды – я пошел в соседнее здание - прибежала девушка и совершенно запыхавшись сообщила мне, что русские на чердаке и забирают все белье и перины. Я поспешил обратно в отель и на чердак. Там я встретил черкеса с несколькими солдатами, собиравшими белье и перины. Женщину, которая попыталась им воспрепятствовать, они толкнули на пол, та ревела. Положение было чертовски неприятным. Однако я верно оценил ситуацию. Вначале я накричал на женщину, чтобы она убиралась, а потом сказал черкесу, чтобы он взял то, что хочет. Он не заставил меня повторять дважды. Его люди упаковали все что смогли, а когда они обнаружили также хранившиеся там запасы лука, то тоже сгребли их в мешки. Между тем я завязал разговор с черкесом и сказал ему, что хотя я и согласился с его образом действий, но если у меня не хватит перин и белья, я не смогу выдать новое белье ни великому князю, ни Ренненкампфу и должен буду сообщить, что он его забрал. Лучше бы ему не нарываться на неприятности, а выпить со мной в ресторане по паре рюмок водки за дальнейшее доброе согласие между нами. Кажется, это его убедило. Он сказал пару слов своим людям, которые после этого оставили все на месте, и спустился со мной вниз. Мы выпили водки, и все утряслось.

Однако черкес, по-видимому, не совсем забыл об этом деле. Несколько дней спустя я услышал на кухне громкие крики. Одна девушка сбежала по лестнице и крикнула мне: “Господин Торнер, черкес украл все телячье жаркое!” Я сразу же послал своего друга Хасфордта на кухню, и точно, черкес засунул телячье жаркое в свой вещмешок. Хасфордт крикнул ему, чтобы он тут же отдал жаркое и убирался из кухни. Однако вместо этого черкес схватился за свой револьвер. Хасфордт тут же подскочил к кухонному столу, схватил лежавший там кухонный нож и пошел на черкеса. Тот, видимо, этого не ожидал. Он опустил револьвер, а Хасфордт одним быстрым движением вырвал у него вещмешок с жарким, схватил за руку и, указывая пальцем на дверь, крикнул “Пошел!” Не говоря ни слова, черкес удалился.

В этот раз Хасфордт спас ситуацию. Но при других обстоятельствах дело чуть не закончилось для него плохо. Как-то один из русских ординарцев пришел в

буфет и потребовал для офицера стакан пива. Хасфордт не отдал его сразу, а потребовал вначале заплатить. Солдат сказал, что у него нет денег, и Хасфордт отказался давать ему пиво без денег. Когда же солдат стал шуметь все больше, Хасфордт, который легко выходил из себя, резко плеснул ему пиво в лицо. Шум достиг своего апогея. В возбуждении Хасфордт швырнул стакан солдату в голову, но не попал, а тот выбежал из ресторана и крикнул, что привел капитана. Вскоре он вернулся с офицером, которому должен был принести пиво, и указал на Хасфордта.

Капитан закричал на Хасфордта: “Ты, собака, почему не даешь пива?”, и, не дожидаясь ответа, ударил Хасфордта кнутом. Но тот отскочил в сторону, так что удар пришелся по никелированному покрытию буфета. Следы от вплетенной в кнут свинцовой пули остались четко видны на толстом никелированном покрытии буфета. Он ударил несколько раз, правда, ни разу не попал. В этот момент появился я, подошел к офицеру и совершенно спокойно сказал ему, что произошло недоразумение; потому что если бы дело дошло до драки, мы бы все пропали. С большим трудом мне удалось успокоить Хасфордта. Капитан тем временем покинул поле боя. Слава богу, что никто не заметил этого происшествия. Но Хасфордт настолько пришел в бешенство, что тотчас же пошел за своим припрятанным револьвером. Он хотел, как прокричал несколько раз, пристрелить капитана, если тот вернется.

Счастье, что сразу же после прихода русских я спрятал наши револьверы в конюшнях домов, находившихся напротив, иначе последствия могли быть непредсказуемыми. Русские как раз вскоре после своего прихода издали приказ сдать все оружие. Мы его не выполнили. Целый воз ружей, среди них прекраснейшие охотничьи ружья, был разбит о кромку тротуара перед отелем. Точно так же и боеприпасы к ружьям были приведены в негодность, порох сметен в кучу, собран в емкость, и в конце концов все вместе было затоплено в замковом пруду.

Реквизиций со стороны русских я тоже не избежал. У меня было очень хорошая лошадь, вороной 6 дюймов в холке, которого я до поры до времени тщательно скрывал. Однажды в мое отсутствие русские все-таки обнаружили его и тут же увели. Узнав об этом по возвращении, я очень энергично запротестовал против этого. Мне было не обойтись без лошади на моем предприятии. Мне возразили, что это дело нужно расследовать. Если лошадь соответствует требованиям, то я получу за нее 300 рублей. В то время это были большие деньги, а так как с деньгами у меня было очень туго, эта сумма была бы мне очень кстати. Но дни проходили один за другим, а о лошади я ничего не слышал. Я вспомнил об обещании графа Шувалова и обратился к нему с просьбой уладить все-таки для меня это дело. Он был, по-видимому, не в настроении и отказал мне со словами: “Замолчите, Вам не нужна лошадь!” Тем дело и закончилось, дальнейшие жалобы ни к чему бы не привели.

Среди русских было несколько очень милых людей, которые могли быть очень обходительными. Там был великий князь Константин, очень полный господин, который часто затевал со мной разговор и больше всего любил хорошую водку. Он держал для себя бутылку “Штайнхегера”, которым он понемногу делился только с графом Шуваловым. Время от времени он приглашал на стаканчик

меня и моего друга Хасфордта. Когда “Штайнхегер” закончился, великий князь получил “Дооркат”, который пришлось ему не меньше по вкусу. Когда он приходил в ресторан пропустить свой утренний стаканчик, я должен был лично подать ему два бутерброда, которые он съедал с большим удовольствием. Хасфордт, видимо, пришлось ему особенно по нраву. Как-то он спросил его, охотник ли он, наверное потому, что Харфордт носил на цепочке своих часов как брелок несколько оленьих клыков. Когда Хасфордт ответил утвердительно, он сказал, чтобы тот сразу же после окончания войны связался с ним, в его владениях бывают на охоте многие немцы. Хасфордт, которому доставило удовольствие не разубеждать старика, сказал, что у него нет большего желания, чем это.

Некоторые из русских офицеров тоже были очень доверчивы. Они рассказывали мне о своих поместьях в России. Один из них, ротмистр Олифир, имел свыше 150000 моргенов земли. Он изучал практическое земледелие под Магдебургом, а потом посещал в Германии многие сельскохозяйственные учебные заведения. В его владениях было много сахарных заводов, и во время уборки свеклы, как он рассказывал, у него работало до 5000 человек.

Они часто приглашали Хасфордта и меня выпить с ними. Затем, придя в хорошее расположение духа, они уверяли, что не виноваты в том, что идет война, и что они только вынужденно ведут войну с нами. Тогда они почти впадали в меланхолию, обхватывали нас и целовали, что отнюдь не доставляло нам удовольствия. Однажды двое из них даже взяли меня под руки, и мне пришлось пойти с ними показать им город. Я воспользовался первой же возможностью, чтобы отделаться от них, потому что такой вид дружбы вызывал у меня опасения. Ну и кроме того, я должен был находиться на месте.

Русский страх

Непосредственно после того, как Ренненкампф поселился в отеле, все подвальные помещения были самым тщательным образом обследованы офицером и несколькими солдатами. Ревизия, к счастью, не потребовалась, так как не было обнаружено ничего подозрительного. На следующий день, когда в отеле поселился великий князь Николай, ко мне сразу же пришел полковник с пятью солдатами с требованием показать ему подвальные помещения. Я объяснил ему, что накануне все уже было осмотрено. Но он возразил, что должен провести осмотр еще раз.

Между тем, во избежание перебоев при разливе пива, я приобрел у оптовика три баллона с угольной кислотой, поскольку предполагал, что оккупация продлится довольно долго. Баллоны с угольной кислотой я велел поставить сбоку от центрального прохода в подвале. Едва мы спустились в подвал, как полковник увидел баллоны и в ужасе закричал: “Это бомбы!” Солдаты сразу же встали в круг, хотя я и пытался объяснить полковнику природу железных емкостей. Он только кричал в возбуждении: “Убрать, убрать!” Так что моему сыну и ученику официанта пришлось вытащить баллоны с углекислотой. “Бомбы” были вынесены из подвала, мы хотели поставить их на террасу, выходящую на Вильгельмштрассе. Но полковник в страхе приказал сложить их на свободном месте напротив отеля. Потом обыскали весь подвал до последнего уголка, но,

естественно, ничего не нашли. Несмотря на мой протест, после этого прислали офицера с несколькими солдатами, которые с помощью моих людей убрали мнимые бомбы за город, в чистое поле.

Несколько дней спустя мой друг Хасфордт сообщил мне, что углекислота в установке для разлива пива на исходе. Случайно в ресторане присутствовал именно тот полковник, который обнаружил “бомбы”. Я подошел к его столу и с вежливым поклоном сказал ему, что у меня закончилась углекислота и мне нужна одна из “бомб”, чтобы наливать пиво. В ответ он огляделся по сторонам, потом наклонился мне к уху и тихо прошептал: “Возьмите одну, но я об этом ничего не знаю”. Тем не менее какой-то офицер был откомандирован вместе с одним из моих людей осторожно принести “бомбу”. Разлив пива был обеспечен. Втихомолку мы, естественно, вволю посмеялись над этим страхом русских перед “бомбами”.

В другой раз дело чуть было не закончилось не так весело. После вступления русских в город отказала электростанция, так как никто об этом не позаботился. Поначалу я обходился вставленными в пустые бутылки свечами, которые кое-как давали свет. Наконец электростанцию запустили. На башне отеля был стеклянный купол в цветах дессауской династии. В этом куполе была стосвечевая лампа, выключатель которой находился на верхнем этаже. Русские включили эту лампу, когда еще не было электричества. Вечером, после того как была восстановлена электростанция, поднялся большой шум, все повыскакивали из своих комнат и прибежали ко мне с криком: “Купол, купол горит!” Потом – “Дирижабль, дирижабль!” Я испуганно спросил, что случилось. Наконец во всей этой неразберихе я услышал, что наверху в куполе горит свет, а это сигнал для дирижабля, которого, видимо, все очень боялись. Я успокоил возбужденных людей насколько смог, показал им выключатель и выключил лампу. Моему сыну с двумя солдатами тут же пришлось перерезать электропроводку. Только после этого буря улеглась, и все опять успокоились.

Новые трудности

Вскоре после того, как русское главнокомандование поселилось в “Дессаур Хоф”, мне сообщили, что командование войсками считает нежелательными офицерские попойки и я должен это учесть. Я оказался перед большой дилеммой, потому что офицеры потребовали от меня даже того, чтобы их обслуживали дамы. Чтобы избежать бесконечных приставаний по этому поводу, в один прекрасный день я выполнил их пожелание. Дамы как раз приступили к своей работе, когда в ресторане появился Ренненкампф. Они подошли и к нему, чтобы спросить, не желает ли он чего-нибудь. Но едва генерал услышал, что дамы взяли здесь обслуживание на себя, он накричал на них: “Что? Бабское обслуживание? Пошли вон!”

Распоряжение по поводу пьянства офицеров после этого было тотчас ужесточено. Шампанское, которое они особенно любили, с тех пор можно было подавать только в пивных стаканах. Бутылки для маскировки тщательно оборачивались полотенцем. Тем не менее, ресторан никогда не закрывался раньше 2-3 часов ночи, потому что некоторые столы были всегда заняты офицерами главнокомандования, которые пили свой “стакан пива” и беседовали. Но и это

не нашло одобрения у главнокомандующего. Неоднократно ко мне подходил дежурный офицер с замечанием, что генерал не желает, чтобы ресторан был открыт после 12 часов. Я мог только сказать ему, что это не в моих силах, потому что офицеры меня просто не слушаются. Следовало издать приказ, потому что я сам, как и мои люди, чрезвычайно нуждались в отдыхе. Но на это генерал Ренненкампф, судя по всему, так и не смог решиться. Так что все осталось по-прежнему.

Труднее всего было содержать в чистоте туалеты. Водопроводная станция, как и электростанция, несколько дней не работала, и последствия были таковы, что туалеты забились, особенно потому, что денщики офицеров выбрасывали туда всевозможные отходы. Сначала я попытался выйти из положения, привозя воду с вокзала, но и это не помогло. Канализация из-за действий русских забивалась снова и снова, и положение стало невыносимым. Когда я однажды вернулся из города, Хасфордт, считавшийся вторым хозяином, сообщил мне, что адъютант великого князя сказал ему, что если я через два часа не дам воду и не позабочусь о том, чтобы туалеты смывались, я получу 100 палочных ударов. Что тут было делать? Можно было ожидать, что русские не станут бросать слов на ветер. Итак, я тотчас поспешил в магистрат, где застал только советника Дитца вместо доктора Бирфройнда. Я обрисовал ему положение дел и попросил предоставить мне в распоряжение цистерну пожарной команды. Но он объяснил мне, что русские ее уже забрали. Я сказал ему, что не позволю так просто отделаться от меня. Если он бросит меня на произвол судьбы, я сообщу об этом, и тогда будет видно, кто получит эти 100 палочных ударов. После этого он наконец-то дал соответствующее распоряжение. Но чаны для воды, которые я получил, протекали, на середине пути от Анграпы до моего отеля они были уже пусты. Тут мое терпение лопнуло. На свой страх и риск я с парой своих людей реквизировал у пожарной команды большую цистерну, и с помощью чаевых мне удалось вовремя навести порядок и избежать угрожавшего наказания. Наконец и водопроводная станция заработала. Но русские не закрывали воду, а поскольку, кроме того, водопроводная станция работала не на полную мощность, водонапорная башня через каждые несколько часов оказывалась пуста.

Из-за небрежности русских в отеле было много повреждений от воды, так как офицеры оставляли открытыми краны, запирали комнаты, и никто не мог войти, чтобы перекрыть воду. Так однажды комната Ренненкампфа была совершенно затоплена, так что вода потоками стекала вниз по лестнице. Вскоре после этого опять появился старший ординарец великого князя Николая и потребовал от меня позаботиться о том, чтобы в распоряжении “высочества” всегда была свежая вода для мытья. Я сказал ему, что это зависит от водопроводной станции, скорее даже от того, что вода не закрывается, и что отель, расположенный на высоком месте, и особенно находящаяся на четвертом этаже комната великого князя, снабжаются водой только тогда, когда водонапорная башня полна. После чего ротмистру Сергееву, а через него коменданту города было дано поручение пойти на водопроводную станцию и распорядиться запустить ее на полную мощность, с тем чтобы воды всегда было достаточно.

Комендант города в сопровождении д-ра Бирфройнда и городского советника Кесслера пошел на водопроводную станцию. Угрожая револьвером, он выну-

дил случайно находившихся там людей, которые совершенно не умели обращаться с машинами, запустить водопроводную станцию. Предостережения д-ра Бирфройнда и городского советника он отменил, пару раз отмахнувшись рукой. Произошло то, что и должно было произойти: манипуляции людей, не имеющих специальных знаний, с машинами привели к сильному взрыву. Люди у машин погибли. Русский ротмистр был опасно ранен, д-р Бирфройнд и городской советник чудом отделались испугом.

Ренненкампф разбушевался. По его приказу теперь вместо бывших 6 было выставлено 18 заложников. Ренненкампф угрожал расстрелять их, если раненый при взрыве ротмистр умрет. К счастью, его крепкий организм выдержал, и он остался в живых.

На следующий день после взрыва я получил от д-ра Бирфройнда послание: "Я вменяю вам в непреложную обязанность исполнять все пожелания великого князя Николая и, поскольку из-за тяжелого положения с водой вода не всегда поступает на верхние этажи, переселить его на нижние этажи". – Я написал в ответ на это письмо пару строк и передал то и другое графу Шувалову с просьбой побудить великого князя переселиться на 2 этаж. Граф, по-видимому, несмотря на бурные события предыдущего дня, не утратил спокойствия. Прочитав оба письма, он непочтительно сказал: "Если он так долго спал наверху, то может спать там и дальше", – сунул оба письма в карман и пошел своей дорогой.

Для ремонта туалетов я после своего мрачного опыта знакомства с привычками моих незваных гостей нанял рабочего Ваголя, чтобы он заботился о порядке и чистоте в этих уединенных местах. Ваголь немного говорил по-польски и мог таким образом относительно общаться с русскими. Однако, несмотря на неустанные труды Ваголя, грязь у русских не прекращалась. Туалеты постоянно забивались, потому что туда бросали все что угодно. Ваголь из-за этого приходил в ярость и ужасно ругался крепкими польскими словами. Это было не столько опасно из-за шума, который он при этом производил, сколько из-за нелестных выражений, которые он употреблял и которые русские понимали. Конечно, они над этим добродушно смеялись, но при их непредсказуемой натуре нужно было все-таки постоянно держать себя в руках.

Как-то раз грязи опять было особенно много, и Ваголь в ярости крикнул русским солдатам: "У нас свиньи умеют вести себя лучше, чем у вас господа!" Это разозлило солдат. Они сообщили об этом выражении дежурному офицеру штаба.

К моему удивлению, около полуночи потребовали шляпу и палку Ваголя. Сначала я подумал, что офицеры хотят пошутить. Но я испугался, услышав, что они арестовали Ваголя. Кроме того, они взяли с собой и одну из моих девушек-учениц, потому что она якобы была свидетелем. Это было тем более опасно, что она знала, что у меня все еще работают двое немецких солдат. Хотя я и предупреждал ее, как и весь немецкий персонал, не говорить об этом ни одной живой душе, но кто мог знать, сможет ли она держать язык за зубами при продолжительном допросе. А в допросах русские были изощренными и опытными. Это могло для всех нас плохо кончиться, потому что русские, конечно, предположили бы, что оба солдата скрываются у нас с целью шпионажа или даже планируют покушения.

Весь остаток ночи о сне нечего было и думать. В голову приходило все что угодно. При малейшем шорохе я вскакивал. Но ничего не произошло.

На следующее утро девушка-ученица вернулась. Ее только расспросили, слышала ли она ругань Ваголя. Она не слышала, и ее отпустили домой.

Ваголь больше так и не вернулся. Это значит, что он был сослан в Сибирь и там, наверное, и умер.

В другой раз один из двоих немецких солдат, саперный ефрейтор Вердехоф, архитектор по своей гражданской специальности, чуть не довел нас до куда большей беды. Когда я однажды утром пришел в отель, на веранде царило большое волнение. Несколько штабных офицеров, среди них граф Шувалов, казалось, уже ждали меня. В возбуждении они сообщили мне, что у одного из них с веранды была похищена папка с документами. Я уверенно, хотя и в вежливой форме, отверг возможность подозрения, что преступником мог быть кто-то из моего персонала. Позже, когда русские были отбиты, Вердехоф, ставший опять немецким солдатом, рассказал мне, что он действительно взял папку с документами, так как предполагал, что в ней находится картографический материал. Но в ней оказались только пара газет и незначительные телеграммы. После этого он уничтожил папку, чтобы не оставлять никаких следов.

Освобождение близится?

Из-за русских мы были почти полностью лишены любой связи с внешним миром. О судьбе Восточной Пруссии мы тоже ничего не знали. То, что русские сообщали в своих победных реляциях на плакатах и тому подобном, даже легковерным казалось сильным преувеличением. Вероятно, чтобы произвести впечатление на население, 5 сентября на Старом рынке состоялся парад трех гвардейских полков.

Двум полкам пехоты Ренненкампф приказал пройти маршем и мимо отеля “Дессауер Хоф”. Он устроился со своим штабом на свободном месте напротив отеля, и полки четким строем с оркестром промаршировали мимо него. Ренненкампф каждую роту приветствовал по-особому, словами, которых я не понимал, на что солдаты восторженно кричали в ответ свое “Ура!”.

Во время этого марша я стоял с Хасфордтом на входе в отель и спросил его, что Ренненкампф прокричал солдатам, на что Хасфордт ответил: “Пруссия разбита! Вперед на Кенигсберг!”

Вскоре после этого всем офицерам было приказано собраться в ресторане отеля, где Ренненкампф зачитал им телеграммы о больших успехах в борьбе с немцами, в ответ на что все разразились восторженными криками “Ура!”. Мы к этому восторженному митингу отнеслись совершенно спокойно, хотя уже слышали от одного еврейского торговца, что русские проиграли крупное сражение. В то время мы еще не знали, что это была битва под Танненбергом.

Во всяком случае, с 6 по 8 сентября в небе над Инстербургом появились немецкие летчики и сбросили листовки, в которых русским солдатам разъяснялось истинное положение дел. Это, несомненно, произвело впечатление, потому что настроение в штабе с этого дня заметно изменилось. Больше не было

видно радостных лиц, не слышно шуток, и офицеры часто собирались группами и беседовали между собой. В ночь с 9 на 10 сентября, около 3 часов – все спали глубоким сном – вдруг несколько раз подряд раздался ужасный грохот. Мы быстро накинули одежду и выглянули во двор. Там было полно солдат, которые все кричали: “Дирижабль! Дирижабль!” и вслепую стреляли в воздух.

Как мне впоследствии рассказал владелец поместья Кезвурм-Пусперн, дирижаблем управлял его племянник. У него было задание сбросить бомбы на “Дессауер Хоф”. Вопрос состоял в том, делать ли это, учитывая, что в отеле находились и немцы. Но эти сомнения были отброшены, ведь в конце концов речь шла о том, чтобы уничтожить Ренненкампфа и Николая с их штабами. Но так как в отеле было затемнение, дирижабль не смог выполнить свою задачу и поэтому сбросил три бомбы на территории Эрнстфельда. Вскоре волнение улеглось, и опять наступил покой.

Утром – раньше обычного – все было в оживленном движении. Ординарцы сновали туда-сюда, офицеры раздавали приказы. Как я понял потом, великий князь Николай Николаевич уже уехал. Его слуга не пришел, как обычно по утрам, за завтраком. Вскоре мне передали приказ срочно подготовить счета; штаб Ренненкампфа выступает, но вернется через несколько дней. Я постарался сохранить спокойный вид, чтобы не рисковать всем в последний момент.

Где-то между 9 и 10 часами пришли офицеры и оплатили свои счета, поблагодарив за хороший прием. Я предъявил и свой счет за казино, который составил 1020 рублей. Но мне было сказано, что казна уже пуста. Однако они вернутся через несколько дней и заплатят. Этих денег я так никогда и не увидел! Я воспользовался возможностью обратиться к графу Шувалову и попросить его добиться приказа идущим следом войскам, чтобы мой отель не был разграблен. Граф отослал меня, как всегда любезно, к великому князю Константину. Я изложил ему свою просьбу, и он уверил меня, что я могу быть спокоен, со мной и моим отелем ничего не случится. Русские сестры милосердия тоже пришли и, несмотря на спешку, в которой происходили сборы, мне пришлось дать им с собой еще и открытки с изображением отеля “Дессауер Хоф”.

Наконец спустился Ренненкампф, судя по всему, в самом отвратительном настроении. Я поздоровался с ним и проводил его до лестницы. Он коротко по-

РУССКИЕ СОЛДАТЫ!

Отъ Васъ все скрываютъ,
Вы не узнаете правду!
Всѣ извѣстiя русскихъ газетъ вымышлены!

ВТОРАЯ РУССКАЯ АРМІЯ РАЗБИТА

при Хохенштейнъ и Уздау,
300 пушекъ, весь обозъ, 93 ТЫСЯЧИ человекъ
взяты въ плѣнъ между ними командующіе
13^{мь} и 15^{мь} корпусами и **МНОГО ГЕНЕРАЛОВЪ**.

Военнопленныя очень довольны обращеніемъ и не желаютъ вернуться въ Россію, имъ у насъ очень хорошо живется.

БЕЛЬГИЯ РАЗБИТА. ПОДЪ ПАРИЖЕМЪ
стоятъ наши войска; вся французская армія
отступаетъ.

прощался со мной словами: “До свидания! Через две недели я вернусь”. Он резко повернулся и быстрыми шагами пошел к ожидавшему его автомобилю. Дом стремительно опустел. Оставались только два телефониста.

Русские отступают

Вскоре пришли несколько офицеров и сообщили мне, что отель конфискуют для командира дивизии с его штабом, около 30 офицеров. Отель мигом заполнился, все комнаты были заняты, все по 2 и 3 человека. Отель работал непрерывно день и ночь.

Едва я около 4 часов утра отправился спать, как меня опять разбудили. К моему ужасу вернулся Ренненкампф со своим штабом. Я вновь увидел всех старых знакомых, кроме Ренненкампфа. Тот сразу же прошел в свою комнату, без лишних слов выставил за дверь офицеров, которые там расположились, и лег спать, в то время как остальные устраивались кто где мог. Даже не раздеваясь на диване в ресторане! Мне пришлось в спешке готовить еду, потому что все вернулись ужасно голодные и к тому же явно изнуренные.

Мы считали, что они были отрезаны от своих, и в волнении обсуждали, что из этого может выйти. Однако наши предположения оказались неверными. В 8 часов утра появился вестовой офицер, который желал срочно обратиться к Ренненкампфу. - Между тем ко мне подошел граф Шувалов и осведомился, оплачен ли уже счет за казино. Я ответил отрицательно. Граф попытался успокоить меня, сказав, что они вскоре вернуться, и тогда я получу деньги. Он не любит таких проволок. “Однако”, - добавил он, - “жилье должен оплатить магистрат”. Чего, конечно, так и не произошло! Воспитанность графа Шувалова была, правда, единичным явлением, потому что, как я обнаружил после отступления русских, у меня пропало множество серебра. Когда впоследствии поезд великого князя Николая был захвачен в Эйдткунене, многое нашлось: ложки, ножи, вилки и большое количество серебряных блюд со штампом отеля “Дессауер Хоф”. Они большей частью были мне возвращены, точно так же я получил обратно из Гумбиннена различные вещи, которые забрали с собой русские.

Наконец в фойе отеля спустился Ренненкампф и принял донесение вестового офицера. Тотчас было приказано подать машины, и в 9 часов все уехали. Ренненкампф коротко приказал: “На Гольдап!” Там они еще смогли проехать, а в 4 часа пополудни город уже заняли немецкие войска.

Освобождение

Только что расквартировавшийся дивизионный штаб русских убрался сразу же после этого. 11 сентября дом был опять свободен от русских. Улицы Ин-стербурга были заполнены спешно отступающими войсками.

Во второй половине дня стала слышна канонада. Мы тут же поднялись на башню отеля и увидели оттуда, как немецкая артиллерия вышла на позицию вблизи деревни Кляйн-Бубайнен и государственного владения Козакен и вел огонь через Гумбинненское шоссе. Там, куда попадали гранаты, русские в панике устремлялись в бегство. В направлении на юго-восток, на Дидлакен, тоже

было заметно, как русские стрелковые цепи распались и отходили на Ин-стербург. Пребывание на башне показалось мне небезопасным, потому что наши войска, обнаружив нас, вполне могли принять нас за русских наблюдателей. Поэтому мы перешли на восточный фронтон, хотя оттуда было видно намного меньше. Мы еще недолго пробыли на новом наблюдательном посту, как услышали громкие крики "Ура!" Я промчался вниз по лестнице и побежал к железнодорожному отелю. Было около 5 часов пополудни. У железнодорожного отеля стоял немецкий офицер с приблизительно 50-60 пленными русскими, с которыми он сразу ушел. Едва эта группа немного отошла, прибежал запыхавшийся русский солдат, сунул мне в руки свое ружье и сломя голову побежал вслед за остальными пленными.

Сообщения берлинских газет и рассказ о том, как русские офицеры, в спешке покидая отель, застряли в лифте – это сказки. Лифт во время оккупации не работал. Точно так же мало общего с правдой имели огромные сапоги Ренненкампа, выставленные в витрине одного кенигсбергского сапожника. Это был просто завлекающий рекламный трюк.

Я как можно скорее отправился обратно в свой отель. Там все уже было забито немецкими войсками. Я велел сразу же подавать все, что имелось на кухне и в подвале. От оплаты я отказался. Но наши объяснили, что они ничего не требуют даром, бросили свои деньги на стол, после того как поели и попили, и ушли. Всю ночь напролет в доме было полно наших солдат в серой полевой форме, на лицах которых светилась радость победы. Наконец-то долгожданное освобождение от русских стало фактом. С 24 августа по 11 сентября нам пришлось жить в оккупации! Энтузиазм, подобного которому мы еще не знали, пронизывал нас и не давал сказать усталости. Мы действительно почувствовали, что значит быть немцами и опять свободными.

Под властью Гинденбурга

Во второй половине дня 12 сентября в отеле появились три немецких офицера и объявили мне, что главнокомандование немецкой 8 армии под предводительством его превосходительства фон Гинденбурга устроит свою штаб-квартиру в отеле "Дессауер Хоф". Отель конфискуется, он должен быть тотчас приведен в порядок.

С воодушевлением мы принялись за дело. Срочно было привлечено множество рабочих, в том числе и пленные русские, которые еще 24 часа назад чувствовали себя хозяевами. Для его превосходительства фон Гинденбурга была выделена так называемая "княжеская комната", в которой еще недавно

жил Ренненкампф. Она подверглась особо тщательной уборке. Гинденбург пишет в своей книге “Из моей жизни” о своем вступлении в Инстербург 12 сентября 1914 года: “В этот день наше главнокомандование вступает в Инстербург, который с 11-го был опять у нас в руках. Итак, я не только мысленно, но и в действительности прибыл по широкой восточно-прусской полевой дороге, мимо наших победоносно шагающих на восток войск и тянущихся на запад колонн русских пленных, в бывшую штаб-квартиру Ренненкампфа. В только что покинутых помещениях странные следы русской полукультуры. Назойливый запах духов, юфти и сигарет не мог перекрыть вони от прочих вещей”.

А дальше я привожу событие, которое наш фельдмаршал пережил здесь годом позже и описывает в своей книге: “Ровно год спустя, в воскресенье, возвращаясь с однодневной охоты, я проезжал через Инстербург. На рыночной площади мою машину завернули обратно, так как там должен был состояться праздник в память об освобождении города от русского бедствия. Мне пришлось сделать крюк. “Sic transit gloria mundi!” - меня не узнали”.

Мне сообщили, что в предназначенной для Гинденбурга комнате не горит свет. Я поспешил в магистрат и изложил д-ру Бирфройнду свою просьбу выделить мне людей, которые приведут свет в порядок, но, к моему большому удивлению, получил отказ. Я был в большом затруднении, так как не мог найти никого, кто может привести освещение в порядок, и со смешанным чувством ожидал дальнейших событий, особенно так как хотел представить все освободителю Восточной Пруссии в наилучшем виде.

Приветствуемый бурлящим ликованием населения, освободитель Восточной Пруссии и вместе с ней Инстербурга подъехал и сразу же направился в свою комнату. С наступлением темноты меня позвали к его превосходительству фон Гинденбургу, который желал поговорить со мной.

Он поздоровался со мной в своей любезной манере и спросил меня, почему в его комнате не горит свет. Я описал ему как можно более кратко состояние дел и тут же попросил его отдать приказ, чтобы кто-нибудь с электростанции привел освещение в порядок. По лицу Гинденбурга прошла судорога, и он сказал с явным недовольством: “Что, я должен сражаться за вас, а за это вы заставляете меня сидеть в темноте?” Однако на его лице тут же промелькнула улыбка, и он сказал, уже почти у порога: “Через полчаса у меня в комнате со светом будет порядок”. Это помогло! Не прошло и полчаса, как появились двое запыхавшихся рабочих с электростанции, и через несколько минут освещение было в порядке.

Опять царит порядок

Теперь сразу же был установлен другой порядок. Интендант, ротмистр де ла Круа, сообщил мне, что главнокомандование берет все на себя. Я с удовольствием объявил о своем согласии, так как все мы были совершенно изнурены после обслуживания русских и рады обрести покой. Поэтому теперь мы готовили только для себя и своего персонала.

Его превосходительство фон Гинденбург питался со своим узким окружением, примерно двадцать человек, в так называемом “кайзеровском зале”, впослед-

ствии “зале Бисмарка”, в то время как остальной штаб, тридцать-сорок человек, собирался в самом ресторане. “Дессауская комната”, при русских обородованная под почту и телеграф, была переделана в гостиную. Ее убрали коврами и удобными клубными креслами. После ужина Гинденбург и Людендорф со своим тесным окружением и присутствующими гостями отправлялись в этот салон. Обслуживал только один определенный ординарец. Здесь велись и все служебные разговоры. Генерал Людендорф при этом находился в постоянном движении. За час он четыре-пять раз подходил к телефону и часто уходил в бюро, которые размещались в лицее на Маркграфенплатц. Людендорф всегда был чрезвычайно занят и оживлен. Не было ничего, что было бы для него слишком, все равно, днем или ночью. Фельдмаршал жил чрезвычайно просто, и это сказывалось на всей жизни его штаба. Мы тоже видели в нем, его простом образе жизни и его спокойной, четкой манере образец прусского офицера и солдата.

Дни господства русских показались нам кошмаром, дурным сном, о пережитой в котором действительности нам, тем не менее, снова и снова напоминали не так быстро устранимые следы их “деятельности”. Мы вздохнули полной грудью и не хотели никогда больше пережить такое ужасное время.

Insterburger Brief. 1962, 1963, 1964.

Таким русский штаб увидел художник профессор Бишоффс, изобразив настенную картину в городском зале Инстербурга (ныне Дом офицеров).

Последний парад

Слово “парад” невольно напоминает каждому из нас о больших государственных или военных праздниках. Гораздо реже можно встретить упоминания о военных парадах в ходе боевых действий, как, скажем, в 1941 году в обороняющейся Москве.

Речь сегодня о более скромном событии, но представляющем для нас непосредственный интерес. Многим калининградским краеведам известна фотография с видом площади г. Инстербурга (Черняховска) периода первой мировой войны, на которой выстроились русские войска. Тогда, в августе 14-го, неизвестный фоторепортер увековечил для потомков парад кавалергардов и конной гвардии. Увековечил — не громкая фраза, поскольку свидетелей и свидетельств того парада не сохранилось. И черняховцы могут не искать изображенный на фото уголок старого города — смерч последней войны разрушил его до основания, и сегодня только местные знатоки укажут, где на нынешней главной площади города возвышалась кирха, у стен которой состоялся парад.

Подробностей того события в нашей литературе не найти. Но когда в руки исследователя попадают доселе неизвестные источники, происходит небольшой праздник. Подобное состояние довелось испытать и автору этих строк, когда из спецхрана были извлечены изданные еще в 1936 году в Таллинне воспоминания участника парада русских войск в Инстербурге корнета В. Звегинцова.

Но сначала о войсках. В составе русской конницы, действовавшей в августе 1914 г. в Восточной Пруссии, были два знаменитых полка: кавалергардский и лейб-гвардии конный. Оба не впервые оказались в этих краях. В 1807 году они защищали Восточную Пруссию от Наполеона, принимали участие в знаменитом Фридландском сражении. Через столетие ситуация изменилась коренным образом. Полки вновь дошли до Фридланда (Правдинска), однако и противник, и союзники теперь были совершенно другие. Гвардейцы считались лучшими в русской коннице. Однако на войне не все зависит от личной храбрости и выучки солдат. В середине августа попадает в тяжелое положение и терпит неудачу в Мазурских озерах армия генерала Самсонова. Угроза нависает и над армией генерала Ренненкампа. Предстоит отступление. В этот момент поступает команда передатать оба полка на другой фронт...

Перед выступлением в Ковно (Каунас) 20 августа полки из Фридланда перешли в Инстербург. Им дали несколько дней на отдых. Расположились в пустовавших немецких казармах 9-го конно-егерского полка. Офицеры разместились в гостиницах. Интересно, сколько их было, этих гостиниц, если мест хватило всем? Ведь в городе к тому же располагался и штаб 1-й армии. Прибывших с передовой город приятно поразил. Несмотря на прифронтовую обстановку (самолеты и дирижабли уже использовались для бомбежки), в нем соблюдался полный порядок.

23 августа полкам был назначен парад. Выстроились в 10 часов в пешем порядке. Народу — любопытных — собралось много. Все же имеют военные

церемонии какую-то притягательную силу! И не важно, чьи это войска — свои или чужие. Под звуки полковых маршей Ренненкампф обошел строи, поблагодарил кавалеристов за отличия в боях. Затем состоялся молебен, после чего были вручены награды отличившимся. Следует отметить, что на площади Ин-стербурга находился в строю и ротмистр П. Врангель, будущий главнокомандующий армией на юге России в 1920 г. Он отличился в бою у деревни Каушен (Ульянове Неманского района) и был награжден орденом св. Георгия 4 степени.

Затем под звуки боевых труб и с песнями полки разошлись по квартирам. Завтра начинался поход...

Всмотримся еще раз в фотографию. Нет, мы не увидим на ней знаменитых ныне поручика Голицына и корнета Оболенского (они придут с пополнением в Ковно). Так же, как не найдем и будущего красного командира “железной” дивизии Г. Гая (находившегося в лагере военнопленных под прусским городом Арис, ныне на территории Польши).

Пройдет всего три года, и “красное колесо” разделит единый сомкнутый строй на две части: красную и белую. Бывшие однополчане окажутся по разную сторону от следа колеса.

Калининградская правда. 6 августа 1992 г.

Николай Гумилев в Восточной Пруссии

На фотоснимках Гумилев часто в армейской форме. Он был русским поэтом, и нет вопроса, почему такой даровитый человек, любимый самой великой женщиной XX века — Анной Ахматовой, очутился на передовой, на позициях против умудренного врага, всего через три с небольшим недели после вступления России в кампанию против агрессивной кайзеровской Германии (последняя объявила войну России 1 августа 1914 года). Россия переходом в наступление спасла в августе 14-го Францию.

24 августа Гумилев зачислен в эскадрон лейб-гвардии уланского полка. Поэт становится добровольцем-разведчиком конного взвода. Он сражался в Восточной Пруссии, под Варшавой, под Гродно, под Владимиром-Волыньским.

Судьба поэта Николая Гумилева оказалась трагичной. Он погиб после войны, на которой не раз рисковал жизнью. С фотографии на нас смотрит не "идеолог империализма", а поэт, на его руках сын, с челкой, глазастый. Рядом — жена, тоже поэт.

Гумилев оставил об этих событиях прозу — "Записки кавалериста", где также речь идет о войне в Восточной Пруссии. Эта часть "Записок..." и предлагается вашему вниманию.

"Помню, был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии, ...он навсегда останется в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля... На другой день мы вошли в разрушенный город, от которого медленно отходили немцы, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Хлюпая в черной липкой грязи, мы подошли к реке, границе между государствами, где стояли орудия.

Мы были в Германии.

...Эти шоссеиные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, роши, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед. ...Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?

...Испытал я и шрапнельный огонь. Наш эскадрон занимал В., который ожесточенно обстреливали германцы. Мы стояли на случай их атаки, которой так и не было. Только вплоть до вечера все время протяжно и не без приятности пела шрапнель, со стен сыпалась штукатурка, да кое-где загорались дома. Мы входили в опустошенные квартиры и кипятили чай. Кто-то даже нашел в подвале насмерть перепуганного жителя, который с величайшей готовностью продал нам недавно зарезанного поросенка. Дом, в котором мы его съели, через полчаса после нашего ухода был продырявлен тяжелым снарядом. Так я научился не бояться артиллерийского огня.

...Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была - заставить заговорить артиллерию, и та, действительно, заговорила. Глухой выстрел, протяжное завывание, и шагах в ста от нас белеющим облачком лопнула шрапнель. Вторая разорвалась уже в пятидесяти шагах, третья - в двадцати. Было ясно, что какой-нибудь оберлейтенант, сидя на крыше или на дереве, чтобы корректировать стрельбу, надрывается в телефонную трубку: "Правее, правее!"

...На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения. Трехэтажное кирпичное строение, нелепая поmessь средневекового замка и современного доходного дома, было почти разрушено снарядами. Мы приютились в нижнем этаже на изломанных креслах и кушетках. Сперва было решено не высываться, чтобы не выдать своего присутствия. Мы смирно рассматривали тут же найденные немецкие книжки, писали домой письма на открытках с изображением Вильгельма.

Через несколько дней в одно прекрасное, даже не холодное, утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту. Наступать - всегда радость, но наступать по неприятельской земле - это радость, удесyтеренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодеетее усаживаются в седлах. Лошади прибавляют шаг.

Справа по три, вытянувшись длинной змеєю, мы пустились по белым, обсаженным столетними деревьями дорогам Германии. Жители снимали шапки, женщины с торопливой угодливостью выносили молоко. Но их было мало, большинство бежало, боясь расплаты за преданные заставы, отравленных разведчиков.

Особенно мне запомнился важный старый господин, сидевший перед раскрытым окном большого помещичьего дома.

Он курил сигару, но его брови были нахмурены, пальцы нервно теребили седые усы, и в глазах читалось горестное изумление. Солдаты, проезжая мимо, робко на него взглядывали и шепотом обменивались впечатлениями:

“Серьезный барин, наверно, генерал..., ну, и вредный, надо быть, когда ругается...” Вот за лесом послышалась ружейная пальба... Мы поднялись на пригорок и увидели забавное зрелище. На рельсах узкоколейной железной дороги стоял горящий вагон, и из него и неслись эти звуки. Оказалось, он был наполнен патронами для винтовок, немцы в своем отступлении бросили его, а наши подожгли. Мы расхохотались, узнав в чем дело, но отступающие враги, наверно, долго и напряженно ломали голову, кто это там храбро сражается с наступающими русскими.

Вскоре навстречу нам стали попадаться партии свежепойманных пленников. Очень был забавен один прусский улан, все время удивлявшийся, как хорошо ездят наши кавалеристы. Он скакал, объезжая каждый куст, каждую канаву, при спусках замедлял аллюр, наши скакали напрямик и, конечно, легко его поймали... Кстати, многие жители уверяют, что германские кавалеристы не могут сами сесть на лошадь. Например, если в разъезде десять человек, то один сперва подсаживает девятерых, а потом сам садится с забора или пня. Конечно, это легенда, но легенда очень характерная. Я сам видел однажды, как вылетевший из седла германец бросился бежать, вместо того, чтобы опять вскочить на лошадь.

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охранение, отправились на ночлег. Биваком нам послужила обширная благоустроенная усадьба с сыроварнями, пасекой, образцовыми конюшнями, где стояли очень недурные кони. По двору ходили куры, гуси, в закрытых помещениях мычали коровы, не было только людей, совсем никого, даже скотицы, чтобы дать напиток привязанному животному. Но мы на это не сетовали. Офицеры заняли несколько парадных комнат в доме, нижним чинам досталось все остальное.

Я без труда отвоевал себе отдельную комнату, принадлежавшую, судя по брошенным женским платьям, бульварным романам и слащавым открыткам, какой-нибудь экономке или камеристке, наколов дров, растопил печь и как был, в шинели, бросился на кровать и сразу заснул. Проснулся уже за полночь от леденящего холода. Печь моя потухла, окно открылось, и я пошел в кухню, мечтая погреться у пылающих углей.

...И в довершение я получил очень ценный практический совет. Чтобы не озябнуть, никогда не ложиться в шинели, а только покрываться ею.

На другой день был дозорным. Отряд двинулся по шоссе, я ехал полем, шагах в трех от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хоть ландштурмистов, то есть попросту мужчин от семнадцати до сорока трех лет. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впи-лась в дверной косяк вершка на два от моей головы.

В доме пастора я нашел лишь служанку-литвинку, говорящую по-польски, она объяснила мне, что хозяйева бежали час тому назад, оставив на плите готовый

завтрак, и очень меня уговаривала принять участие в его уничтожении. Вообще мне часто приходилось входить в совершенно безлюдные дома, где на плите кипел кофе, на столе лежало начатое вязание, открытая книга; я вспомнил о девочке, зашедшей в дом медведей, и все ждал услышать громкое: “Кто съел мой суп? Кто лежал на моей кровати?”

...Дикие были развалины города Ш. Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо крыш, каждую минуту готовых обвалиться. На бесформенной груде обломков виднелась единственная уцелевшая вывеска “Ресторан”. Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли.

...Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт”.

А. Успенский.

Восточная Пруссия глазами русского офицера

О Пруссии. “Солдаты наши с изумлением смотрели на немецкие уютные крестьянские усадьбы с готическими крышами и красивыми шоссе, везде обсаженные фруктовыми деревьями. Удивлялись, что висят фрукты, и никто их не трогает. Жителей нигде не видно, ни одного человека.

...Нужно сказать, что главным элементом населения в Пруссии были помещики — все бывшие военные, начиная от высоких рангов: личных генерал-адъютантов и любимцев самого императора Вильгельма (их роскошные имения-дворцы я сам видел при дальнейшем наступлении) и кончая бывшими фельдфебелями. Вся Восточная Пруссия считалась поэтому передовым авангардом, и жители, как мы потом узнали, и мысли не допускали, чтобы кайзер позволил русским захватить эту “жемчужину в его короне”.

...Отступление их войск от Гумбиннена носило характер совершенного бегства, как сообщили мне местные литовцы и пленные поляки. Занимая новые области Восточной Пруссии, какое довольство, достаток и даже богатство видели мы здесь во всем, на каждом шагу! Каждая усадьба простого крестьянина снабжена десятком земледельческих орудий, телефоном, электричеством, велосипедами, газетами. Везде водопровод и канализация! А какие дворцы для скота; с электричеством и с асфальтовым полом, бассейнами проточной воды и т. д. На полях нет ни кусочка невозделанной земли. Сараи и погреба битком набиты “впрок” всякой снедью и припасами. В чуланах и погребах сундуки с богатыми запасами одежды и белья. Чего немцам было еще надо? Зачем кайзер и его правительство захотели искать лучшего?”

Казаки на улицах Найденбурга.

О казаках. "...вообще меня поражала эта удивительная страсть казаков к разрушению. Часто бывало, приходишь в немецкую усадьбу и, если раньше побывали здесь казаки, находишь ужасные следы разрушения: разбитые двери, окна и зеркала, пианино, буфеты, разорванные картины на стенах, пропоротые пиками диваны, кресла, даже постели! Беззаветная удалость и храбрость казаков вроде Крючкова, прославившегося в первой стычке с немецкой разведкой; один против десяти немцев. И рядом казаки-хулиганы, храбрость которых в разрушении имущества мирных жителей".

О Пруссии. "14 августа в 5 часов вечера вступили в Алленбург (п. Дружба, Правдинского района), старинный город с 700-летней кирхой и узкими улицами, совершенно оставленный жителями. ...Между прочим осмотрели здесь унтер-офицерский клуб

местного пехотного полка. Прекрасное помещение и обстановка, богатая библиотека, всевозможные пособия для решений тактических задач, хорошие стенные карты. ...Вообще видна забота о своих унтер-офицерах...

Когда ночью я проверял свои полевые караулы и заставы, я невольно залюбовался средневековой архитектурой домов с узкими улочками и светотенями от яркой луны. Особенное впечатление производила маленькая, но стильная, вымощенная плитами, площадь со своей высокой, старинной кирхой, длинными каменными бассейнами для воды, памятником какому-то герою и двумя вековыми аллеями каштанов, кленов и лип. Эта площадь мне напоминала декорации из "Фауста".

...Население здесь оставалось на местах и даже на наших глазах немцы исполняли свои полевые работы. При проходе нашего полка через одно местечко, меня неприятно поразили критические замечания мирных жителей, следивших за нами с иронической улыбкой, словно это не на войне, а в мирной обстановке, на маневрах проходит свой полк куда-то на ученье.

...Средневековый тихий городок горел во многих местах. 700-летняя кирха в этом бою была разрушена немецким огнем, ее высокая стильная колокольня рухнула: немцы полагали, что здесь наш наблюдательный пункт. Вообще город Алленбург сильно пострадал исключительно от немецких снарядов".

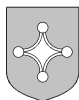
Отступление. "Все те города и местечки Восточной Пруссии, мимо которых при наступлении шли мы целых 3 недели, промелькнули теперь в течении 2-3 дней. Так быстро мы отступали.

...На одном указателе дорог, среди перекрестка, немцы уже успели повесить плакат-карикатуру: от размаха огромного немецкого сапога с чудовищной шпорой летит в пропасть наш генерал Ренненкамф. Было досадно и стыдно видеть это.

...К Сталупенину мы подходили ночью. Почему-то ожидали здесь найти немцев. Огромное зарево горящего города встретило нас. Я со своей ротой шел в головной заставе и первый въехал в город. Жуткое впечатление от горящих среди темной ночи домов целой улицы, треска падающих головешек и полное отсутствие людей.

...31 декабря 1914 года было уже часов 11 вечера, когда я, возвращаясь на фронт, выходил из поезда на станции Тольминкемем (п. Чистые пруды, Нестеровский район), в Восточной Пруссии. Поезда ходили здесь только "воинские".

А. А. Успенский. На войне. Вост. Пруссия-Литва, 1914 – 1915 г.г., воспоминания. – Литва, 1932.

Сноски

1. Вильгельмштрассе (Wilhelmstrasse) - ул. Пионерская.
2. Цигельштрассе (Ziegelstrasse) - ул. Победы.
3. Форштадт (Forstadt) - ул. Калининградская.
4. Лютеранская кирха (Luterkirche) - не сохранилась, пл. Ленина.
5. Реформистская кирха (Reformiertekirche) - Свято-Михайловский храм г. Черняховска, ул. Суворова.
6. Агнесс Мигель (Agness Miegel) - поэтесса.
7. Гольдапперштрассе (Goldapperstrasse) - ул. Ленина.
8. Дойче банк (Deutsche Bank) - не сохранился, угол ул. Крупской и Ленина.

Список населенных пунктов

Вержболово - г. Вирбалис (Литва).
Гросс-Бубайнен - п. Бережковское, Черняховский р-н.
Диблаккен - п. Тельманово, Черняховский р-н.
Гумбиннен - г. Гусев.
Двинск - г. Даугавпилс, Латвия.
Даркемен - г. Озерск.
Инстербург - г. Черняховск.

Мемель - г. Клайпеда, Литва.
Лик - п. Элк, Польша.
Пилькаллен - п. Добровольское, Краснознаменский р-н.
Танненберг, он же Грюнвальд - г. Стенбарк, Польша.
Тильзит - г. Советск.
Торн - г. Торунь, Польша.
Шталупёнен - г. Нестеров.

Содержание

Инстербург
(историческая справка) 2

Отель «Дессауэр Хоф»
(историческая справка) 2

П. А. Аккерман

Месяц в штабе. Воспоминания
русского офицера 3

Русские в Инстербурге
Воспоминания Отто Хагена 8

Т. Кассина, Д. Сечкин

Инстербург. Август четырнадцато-
го 14

Отель переживает мировую исто-
рию. Воспоминания Германна Тор-
нера, владельца отеля «Дессауер
Хоф» 18

Г. Кретинин

Последний парад 40

Г. Ф. Разумный

Николай Гумилев в Восточной
Пруссии 42

А. Успенский

Восточная Пруссия глазами рус-
ского офицера 45

Издатель: комитет по образованию,
культуре, спорту и туризму админист-
рации муниципального образования
«Черняховский район».

Адрес: 238150. г. Черняховск, ул. Ка-
линина, 7, Калининградская область,
Россия.

Тел. (01141) 3-21-03, отдел культуры,
И. В. Ерофеев.

Факс (01141) 3-23-82.

Редакционная коллегия: И. В. Еро-
феев, **Г. Ф. Разумный**, А. К. Оглезнев.

Корректора: Е. Голубева.

Макет, верстка: Е. Г. Дорофеев.

Отпечатано в Черняховской типогра-
фии. Ул. Спортивная, 1. Тел. 3-37-37.
Факс 3-24-67.

Подписано в печать 23.10.02 г. Формат
60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарниту-
ра Ариал. Печать офсетная. Условных
печатных листов 8.

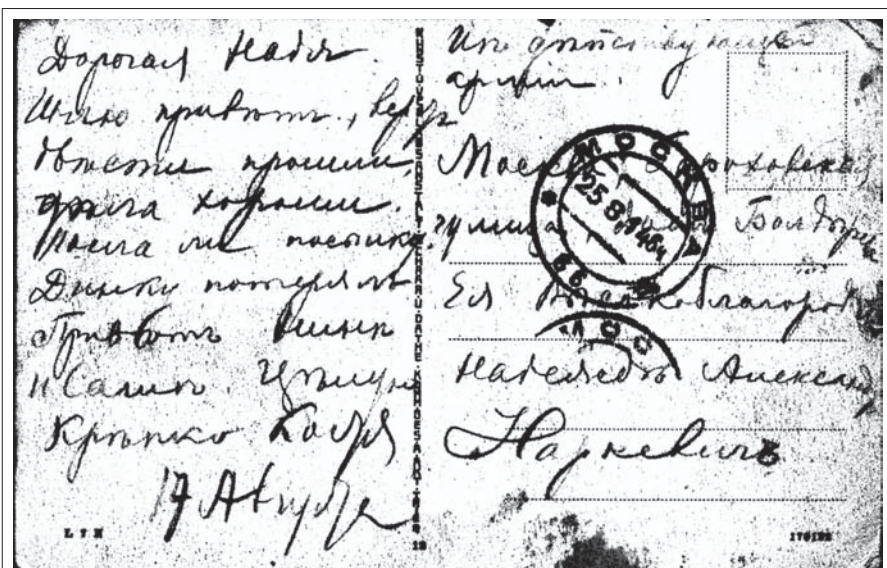
Заказ № 1534. Тираж 400.

63 Клд + 95

Н 17

Надровия. Историко-краеведческий
журнал. - Черняховск. - 2003. - № 3. -
48 с.: ил.

Н 17

Из действующей армии. Москва, Гороховская улица, лавка Болдырева. Ея высокоблагородие Надежде Александровне Наркевич.

Дорогая Надя. Шлю привет, верст двести прошли, дороги хороши. Послала посылку? Димку потерял. Привет Нины и Сашы. Целую крепко, Коля.

17 августа

Оригинальная открытка отправлена из Инстербурга во время пребывания в этом городе русских войск. Позже приобретена в Москве в частную коллекцию.

Insterburg
Totalansicht

